

УДК 821.161.1

DOI: 10.33979/1998-2720-2024-102-2-156-160

СКОРОХОДОВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
E-mail: msk2002@rambler.ru

SKOROKHODOV MAXIM VLADIMIROVICH

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: E-mail: msk2002@rambler.ru

**ОТ ЛИТЕРАТУРНОЙ УСАДЬБЫ К ЛИТЕРАТУРНОЙ ДАЧЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX – НАЧАЛА XXI в.)**

**FROM LITERARY ESTATE TO LITERARY DACHA
(ON THE MATERIAL OF RUSSIAN LITERATURE OF THE XX – EARLY XXI CENTURIES)**

Подборка включает пять статей участников проекта Российского научного фонда № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», реализуемого с 2022 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН. Этот проект является логическим продолжением проекта РНФ № 18-18-00129 «Русская усадьба в литературе и культуре: отечественный и зарубежный взгляд» (2018–2020), в котором принимали участие в основном те же участники, работавшие под руководством О.А. Богдановой.

В статьях рассматриваются вопросы теории и истории литературы, связанные с феноменом русской усадьбы, оказавшей существенное влияние на тематику и проблематику произведений русской словесности, начиная с XVIII в. В тесном взаимодействии с «усадебным топосом» формировался «дачный топос», отражающий особенности дачной жизни писателей и усадебные аспекты их творчества. В статьях вводятся в научный оборот малоизвестные и архивные материалы, всесторонне анализируются с учетом эпистолярного наследия, мемуарных и иных источников «усадебные» и «дачные» произведения русской литературы.

«Усадебный текст» начала XXI в. рассматривается в рамках контекстуального подхода и с учетом литературной традиции, описывается феномен «усадебности», актуальной для современной русской литературы. В плане теоретического осмысления большого объема эмпирического материала существенным представляется изучение с точки зрения усадебоведения произведений Н.П. Анциферова, рассматривавшего сохранение и популяризацию усадебного наследия в контексте изучения русской культуры в многообразии ее традиций и проявлений.

Две статьи, посвященные К.Г. Паустовскому – писателю, имевшему богатый опыт усадебной и дачной жизни, – позволяют проследить эволюцию представлений прозаика об особенностях загородной жизни, всегда привлекавшей его как своей уединенностью, возможностью формирования достаточно узкого круга постоянного общения и близостью к природе, дающей возможность совмещать в одном пространстве напряженную творческую работу с отдыхом, включая прогулки, рыбалку и сбор грибов. Дачная жизнь позволяет героям Паустовского задуматься о важнейших проблемах бытия, о собственном жизненном пути. Получивший заслуженное признание в Советском Союзе и в мире писатель использовал свой авторитет для сохранения уникальных природных окрестностей Тарусы, в которой он купил себе под дачу небольшой дом с участком, и для развития этого небольшого города на благо его жителей и гостей.

Если для Паустовского приоритетными моделями дачной жизни являлись восстановление после болезни и творчество в уединении, то для А.А. Ахматовой, имевшей дачу в Комарове под Ленинградом, важнейшим являлось творческое общение, обмен мнениями. Дача стала местом усвоения младшими современниками Ахматовой поэтического мастерства.

Проведенный авторами статей анализ свидетельствует об актуальности изучения русской литературной усадьбы и дачи на материале русской словесности XX – начала XXI в. с учетом исторически сложившихся традиций и многочисленных вариантов трансформации русской усадьбы в советскую и постсоветскую эпохи.

БОГДАНОВА ОЛЬГА АЛИМОВНА

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия

E-mail: olgabogda@yandex.ru

BOGDANOVA OLGA ALIMOVNA

DSc in Philology, Leading Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: olgabogda@yandex.ru

ФЕНОМЕН «УСАДЕБНОСТИ» И КОНТЕКСТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ЛИТЕРАТУРНОЙ УСАДЬБЕ НАЧАЛА XXI в.*

THE PHENOMENON OF "HOMESTEADNESS" AND THE CONTEXTUAL APPROACH TO THE LITERARY ESTATE OF THE EARLY XXI CENTURY

Современный этап развития «усадебного текста» русской литературы может быть описан в рамках контекстуального подхода (как трансляции обусловленных историческими вариантами «усадебного топоса» «поведенческих сценариев») с помощью категории «усадебности», содержание которой раскрывается в данной статье. Ведущими факторами формирования «усадебности» в новейшей литературе становятся музеефикация и медиализация усадьбы, а также возросшая роль научно-гуманитарного дискурса о ней. Важно, что в контекстуальном подходе утверждается непрерывность отечественной литературно-усадебной традиции, когда в антураже прошлых и современных артефактов просматриваются аналогичные «внутренние сценарии», составляющие ценностное ядро «усадебных» произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина, К.Г. Паустовского, Б.Ш. Окуджавы, Е.Г. Водолазкина и др. Наряду с «усадебностью» инструментами контекстуального подхода также являются «усадебный габитус» и «криптоусадебная мифология», представленные в других работах автора настоящей статьи.

Ключевые слова: русская усадьба, начало XXI в., контекстуальный подход, «усадебность», музеефикация, медиализация, научно-гуманитарный дискурс об усадьбе.

The current stage of the development of the "estate text" can be described most adequately within the framework of a contextual approach (as broadcasts of "behavioral scenarios" conditioned by historical variants of the "estatetopos") using the category of "homesteadness", the content of which is disclosed in this article. The leading factors in the formation of "homesteadness" in modern literature are the museification and medialization of the estate, as well as the increased role of scientific and humanitarian discourse about it. It is important that the contextual approach asserts the continuity of the national estate tradition, when similar internal "behavioral scenarios" are viewed in the entourage of past and modern artifacts, which form the value core of the "estate" works of A.S. Pushkin, L.N. Tolstoy, A.P. Chekhov, I.A. Bunin, K.G. Paustovsky, B.Sh. Okudzhava, E.G. Vodolazkina, etc. Along with "homesteadness", the tools of the contextual approach are also "estate habitus" and "crypto-estate mythology", presented in other works of the author of this article.

Keywords: Russian estate, the beginning of the 21st century, contextual approach, "homesteadness", museification, mediation, scientific and humanitarian discourse about the estate.

Введение

Актуальность предпринятого исследования определяется востребованностью «усадебного текста» русской литературы в культурном пространстве первых десятилетий XXI в., интересом читательской аудитории, а также немалым числом входящих в него произведений (Ю.В. Мамлеев «Блуждающее время», А.П. Потемкин «Человек отменяется», В.О. Пелевин «Трансгуманизм», Е.Г. Водолазкин «Авиатор», Г.Ш. Яхина «Дети мои», А.И. Слаповский «Туманные аллеи», М.Л. Степнова «Сад» и др.). Цель статьи – разработка теоретико-методологического аппарата для исследования усадьбы и дачи в литературе второй половины XX – первой четверти XXI в. Новизна – в постановке вопроса о необходимости релевантных литературоведческих подходов к новому качеству «усадебного топоса», обусловленному как историко-культурными разрыва-

ми XX в., так и радикальной сменой медиаформатов на рубеже XX–XXI вв. Методы исследования определяются поиском инструмента для адекватного описания современного этапа развития «усадебного текста» в рамках контекстуального подхода (как трансляции обусловленных историческими вариантами «усадебного топоса» «поведенческих сценариев») с помощью категории «усадебности», содержание которой впервые раскрывается в данной статье. Исходя из принципов историзма, системности и междисциплинарности определяется, что ведущими факторами формирования «усадебности» в новейшей литературе являются музеефикация и медиализация усадьбы, а также возросшая роль научно-гуманитарного дискурса о ней. Наряду с «усадебностью», инструментами контекстуального подхода также являются «усадебный габитус» и «криптоусадебная мифология», представленные в других работах автора настоящей статьи [см.: 1, с. 92–93; 2, с. 230–231].

*Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

© Богданова О.А.
© Bogdanova O.A.

Изложение основного материала

Анализируя в своих публикациях «усадебный текст» XX и XXI вв., О.А. Гриневич (Нагель) говорит о «постусадебном периоде», имея в виду разрушение традиционной владельческой «усадебной культуры» в катаклизмах русских революций и Гражданской войны 1917–1922 гг. Это распространенное мнение высказывалось еще председателем первого Общества изучения русской усадьбы в 1927–1931 гг. А.Н. Гречем [см.: 3, с. 19], затем М.В. Нащокиной [см.: 11, с. 8, 15], П. Рузвельт [см.: 12, с. 20] и др., в том числе Л.Н. Летягиным, который писал о том, что 1918 г. стал завершающей страницей «усадебной культуры» как «живой традиции» эмпирически воспроизводимой повседневности [см.: 5, с. 259].

Оговоримся сразу, что мы не можем принять этот взгляд полностью, так как считаем, что «усадебный» период окончания в принципе не имеет, и в начале 1920-х гг. русская усадьба не была уничтожена в своих основах, хотя и пережила глубокий кризис, – в последующие десятилетия она выступила в новых модификациях усадьбы-музея, усадьбы-санатория или дома отдыха / творчества, усадьбы-колонии, города-сада и т. п. Утратив владельческий статус, став общественным достоянием, усадьба как топос не потеряла своих определяющих черт, оставаясь идеалом человеческого жизнеустройства на земле, органическим единством культуры и природы, локусом творчества и жизнотворчества, личностного роста у своих обитателей, местом если не социальной гармонии, то хотя бы диффузии, средоточием традиционной семейственности, в том числе расширенной («чада и домочадцы», гости), школой патриотизма в самом широком понимании.

Однако применительно ко второй половине XX столетия, при увеличивающейся дистанции по отношению к аутентичным владельческим усадьбам Золотого и Серебряного веков и, главное, к их литературным отражениям, приобретает актуальность термин «усадебность», маркирующий окончательный переход традиционной «усадебной культуры» в ментальное измерение – сферу культурной памяти, этической и эстетической идеализации, национальных архетипов. Так, по мнению О.А. Гриневич (Нагель), в «постусадебный период» происходит «апелляция к личной или культурной памяти при реконструкции усадебной семантики», «интериоризация» и «реконтекстуализация» усадебной топики [см.: 4, с. 54–55], – другими словами, вычленение ее ценностного ядра из историко-культурного контекста. Последнее замечание акцентируем в свете обсуждения контекстуального подхода в интерпретации Л.Н. Летягина.

Обращаясь к поэзии рубежа XX–XXI вв., А.В. Марков отмечает отчетливую зависимость в ней модификаций усадебной топики от формата новых медиа: кино, телевидения, Интернет-сайтов, социальных сетей: «...усадьба и усадебный быт почти всегда изображаются не как часть истории или истории культуры, но как часть функционирования медиа: усадьба на фотографии, в кино, в телевизионной и радиопостановке. Такая медиализация усадьбы связана прежде всего с формальными поисками новейшей русской поэзии, необходимостью совместить наследие классической русской поэзии с новыми медийными возможностями существования текста <...>» [9, с. 58]. «Медийность как

ключ к усадебности» [9, с. 59] на рубеже XX–XXI вв. – вот основная мысль А.В. Маркова. Он также выделяет «медийность как единственный достойный контекст разговора об усадебном наследии», имея в виду «и фотографию, и кино, и даже компьютерные игры как необходимый контекст разговора» [9, с. 60]. Более того, по его мнению, «усадьба может оказаться опять в центре русской культуры» благодаря медийному «остранению» [см.: 9, с. 61]. И тут уже в пору говорить о медиафикации литературной усадьбы в современной культуре, о соотношении литературности и медийности, о параметрах их взаимовлияния и т. п. Но это отдельное, обширное направление исследований, которое мы можем только обозначить в настоящий момент. Сейчас же снова сосредоточимся на понятии историко-культурного контекста как основе литературной усадьбы.

Не менее важно и такое наблюдение А.В. Маркова: «...искусствоведческое и структурно-семиотическое изучение усадьбы, начиная с музеефикации и кончая трудами Лихачева и Лотмана, позволило по-новому осмыслить и моменты семантической напряженности в усадьбе, и возможность поэтического образа усадьбы после множественных культурных разрывов, отказавшись от экфрасиса и земного созерцания в пользу метафизического созерцания» в творчестве таких поэтов, как Е.А. Шварц, О.А. Седакова, В.Б. Кривулин [см.: 10, с. 89].

Таким образом, механизмами создания «усадебности» (слово, введенное А.В. Марковым и возводимое нами в ранг термина) в современной русской литературе становятся виртуальность (музеефикация и медиализация), а также опора на схематизирующий научный дискурс об исторических усадьбах. В собственно литературной и литературно-организационной практике (фестивали, презентации, выставки-продажи, конференции, книжные ярмарки и проч.) «усадебность», по нашему мнению, включает в себя два аспекта: тематику произведений (основанную не на личных впечатлениях, а на рецепции литературных, кинематографических, телевизионных, живописных источников – в произведениях Б.Ш. Окуджавы, Б.А. Ахмадулиной, А.С. Кушнера и др.) и воплощение элементов «усадебного габитуса» в современных артефактах (например, на регулярных слетах Клуба самодетельной песни в лесных лагерях, устраиваемых там творческих школах и мастер-классах). Таким образом, понятие «усадебности» окрашено вторичностью по отношению к той аутентичной «усадебной культуре», которая прекратила свое явное существование в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг., что и прозвучало в докладе Н.В. Михаленко «“Усадебность” как ключ к усадебной топике в литературе и культуре рубежа XX–XXI вв.» (на продолжающемся теоретико-методологическом семинаре «Проблемы методологии и тезауруса “усадебных” исследований в российском и зарубежном литературоведении – 1 (5)» под названием «“Усадебный текст” русской литературы XX–XXI вв.: интертекст, гипертекст или сверхтекст?» 6 февраля 2023 г.) [см.: 13, с. 3–4]. Понятие «усадебности» было рассмотрено ею в связи с песенным творчеством Б.Ш. Окуджавы, С.Я. и Т.Х. Никитиных, А.И. Иващенко и Г.Л. Васильева, И.Б. Белого и др., в чьих текстах присутствуют упоминания усадебной и дачной жизни, аллюзии и ассоциации, что позволяет увидеть в авторской и бардовской

песне и окружающей ее инфраструктуре попытку воссоздания в новых реалиях ряда ценностей традиционной усадебной жизни.

И здесь мы вплотную приближаемся к контекстуальному подходу в литературоведении, наиболее четко сформулированному В.Е. Хализевым: «...контекст – это бескрайне широкая область связей литературного произведения с внешними ему фактами как литературными, так и внелитературными», и литературоведу, «обремененному» на восприятие прошлых эпох «глазами *своей* современности [курсив В.Е. Хализева. – *О. Б.*], важно обращаться к «более широким, удаленным контекстам – к феноменам “большого исторического времени” (М.М. Бахтин)». Ведь «изучение контекстов литературного творчества – это необходимое условие проникновения в смысловые глубины произведений <...>» [14, с. 327–329]. В интерпретации Л.Н. Летагина контекстуальный подход позволяет нам обнаруживать внутренние «поведенческие сценарии» будто бы «безвозвратно» ушедшего усадебного жизнеустройства XVIII–начала XX в. [см.: 6, с. 17] как систему актуальных ценностей третьего десятилетия XXI в. и тем самым утверждать «культурную непрерывность» [8, с. 348] русского «усадебного текста». Это становится возможным благодаря тем форматам медийности, которые стали почвой для новых вариаций литературной усадьбы.

Ранее эту роль играли преимущественно мемориальные музеи (подъем которых пришелся на позднесоветское, послевоенное время), восстанавливавшие повседневную обстановку усадеб XIX – начала XX в. с помощью артефактов, в музейном пространстве связанных между собой определенными жизненными сценариями, т. е. погруженными в контекст той далекой повседневности. Это и было «актуальное вещесловие», по выражению Л.Н. Летагина, в действии; причем в целях аутентичности такого «вещесловия» кратно возрастал общественный запрос на научный усадебоведческий дискурс, который и не преминул появиться в работах Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, в сборниках возрожденного в 1992 г. Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ) и т. д. Теперь же на современных музейных площадках все активнее используются и медиа: познавательные фильмы, ролевые видеоигры, костюмы эпохи, интерактивные экскурсии (прием гостей, чаепитие и др. ритуалы). Таким образом, музей и медиа, формируя «усадебность», восстанавливают и транслируют те усадебные контексты, в рамках которых кристаллизовались константные национально-культурные смыслы. И литература конца XX – начала XXI в. как к первоисточнику усадебной топике обращается именно к ним, а не к исчезнувшему столетие назад эмпирическим формам усадебной повседневности. Итак, «усадебность» – это новый модус репрезентации «усадебного топоса»

в литературе, имеющий междисциплинарный генезис (музеологию, медиа и научно-гуманитарный усадебоведческий дискурс: культурологический, искусствоведческий и литературоведческий). Источником же «усадебного мифа» и в наше время целиком остается художественная литература.

По мысли Л.Н. Летагина, «усадебное мышление планетарно в своей основе», в то же время являясь русским национальным способом отношения к миру: «русская культура в своей основе – культура усадебная» [см.: 6, с. 9–10]. Однако «вещесловие», как трансляция личностных ценностей без их социологического упрощения, обеспечивая культурную преемственность сквозь разрывы XX в., должно выстраивать «историческую аксиологию» вне «реставрационного мифа» [8, с. 364]. Ведь «культурная непрерывность» – в сохранении нравственных и ценностных позиций, а не материальных форм усадебной повседневности, пусть и запечатленных классической литературой [см.: 8]. Итак, «усадебный быт как система недеklarированных ценностей» формировал «поведенческие жанры» [6, с. 14, 12] с их нередко «неочевидным содержанием» [7, с. 130–131]. Именно последнее и должно быть актуализировано в контекстуальном подходе к усадебной топике в литературе рубежа XX–XXI вв.

Выводы

На наших глазах уже более четверти века происходит воссоздание русской владельческой усадьбы в новом формате, отчасти приближенном к дачному. Как литературный феномен эта усадьба уже находит выражение в произведениях Ю.В. Мамлеева («Блуждающее время»), «Мир и хохот»), А.П. Потемкина («Человек отменяется»), А.И. Слаповского («Туманные аллеи»), В.О. Пелевина («Трансгуманизм»), Е.Г. Водолазкина («Авиатор») и др. «Усадебный топос» формируется в них на почве «усадебности», щедро заполняющей исторические разрывы и зияния XX в. А для осмысления этих феноменов незаменимым в литературоведении становится именно контекстуальный подход, в котором утверждается непрерывность отечественной литературно-усадебной традиции, когда в антураже прошлых и современных артефактов просматриваются аналогичные «внутренние сценарии», составляющие ценностное ядро «усадебных» произведений А.С. Пушкина, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, И.А. Бунина, К.Г. Паустовского, Б.Ш. Окуджавы, Е.Г. Водолазкина и др. И наша задача – понять, как «внутренние сценарии» русской «усадебной культуры» XIX – начала XX в. с их «неочевидными» ценностями, обрастая иными артефактами, реализуются в литературном поле XXI в.

Библиографический список

1. Богданова О.А. Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // *MundoEslavo*. 2020. № 19. С. 89–102.
2. Богданова О.А. Невидимые звенья «усадебного сверткста» // *Вестник славянских культур*. 2023. Т. 69. С. 224–236.
3. Греч А.Н. Венок усадьбам (рукопись, найденная в историческом музее // *Русская усадьба: сб. ОИРУ*. Вып. 1 (17). М.: Рыбинск, 1994. С. 18–29.
4. Гриневиц О.А. Поэтика усадебного текста: миф, реальность, литература: монография. Гродно: ГрГУ, 2022. 143 с.
5. Летагин Л.Н. Русская усадьба: миф, мир, судьба // *Русская усадьба: сб. ОИРУ*. Вып. 4 (20). М.: Жираф, 1998. С. 253–259.
6. Летагин Л.Н. Усадебный металадшафт России // *Русская усадьба: сб. ОИРУ*. Вып. 10 (26). М.: Жираф, 2004. С. 9–18.
7. Летагин Л.Н. Визуальная множественность Санкт-Петербурга: очевидное и неочевидное // *ПРАЭНМА*. 2023. № 4 (38).

С. 119–142.

8. *Летягин Л.Н.* Supremumvale: постусадбная Россия и литературная классика // Усадьба и дача в литературе советской эпохи: потери и обретения / сост. О.А. Богданова; отв. ред. В.Г. Андреева, О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 348–369. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 8).

9. *Марков А.В.* Медиальность и интермедиальность усадьбы в постсоветской русской поэзии // Культура и образование. 2019. № 2. С. 58–68.

10. *Марков А.В.* Иконография русской усадьбы в поэзии Виктора Кривулина, Елены Шварц и Ольги Седаковой // Вестник Владимирского гос. ун-та им. А.Г. и Н.Г. Столетовых. Социальные и гуманитарные науки. 2019. № 3 (19). С. 81–91.

11. *Нащоккина М.В.* Русская усадьба — временное и вечное // Русская усадьба: сб. ОИРУ. Вып. 9 (25). М.: Жираф, 2003. С. 7–21.

12. *Рузвельт Присцилла.* Судьба усадеб России и их сокровищ. 1917–1930 // Русская усадьба: сб. ОИРУ. Вып. 15 (31). М.: Улей, 2009. С. 7–24.

13. Текстовый отчет. URL: <https://litasadba.imli.ru/event/otchet-o-pervom-pyatom-zasedanii-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurusa-usadebnyh> (дата обращения: 20.02.2024).

14. *Хализев В.Е.* Теория литературы: учебник. Изд. 3-е. М.: Высшая школа, 2022. 437 с.

References

1. *Bogdanova O.A.* Russian literary estate of the XIX–XX centuries: a theoretical aspect of research. *Mundo Eslavo*, 2020, No. 19, Pp. 89–102.

2. *Bogdanova O.A.* Invisible links of the “estateovertext”. *Bulletin of Slavic cultures*, 2023, vol. 69, Pp. 224–236.

3. *Grech A.N.* Wreath to the Manors (manuscript found in the Historical Museum). *RusskayaUsadba*, Collection of the Society for the Study of the Russian Estate. Issue 1 (17). Moscow, Rybinsk Publ., 1994, Pp. 18–29.

4. *Grinevich O.A.* Poetics of the estate text: myth, reality, literature: monograph. Grodno, GrSU Publ., 2022. 143 p.

5. *Letyagin L.N.* Russian estate: myth, world, fate. *Russian estate: collection of OIRU*, issue 4 (20). Moscow, Giraffe Publ., 1998, Pp. 253–259.

6. *Letyagin L.N.* Estate metalandscape of Russia. *Russian estate: collection of OIRU*, issue 10 (26). Moscow, Giraffe Publ., 2004, Pp. 9–18.

7. *Letyagin L.N.* The visual multiplicity of St. Petersburg: the obvious and the non-obvious. *ИПАЭНМА*, 2023, No. 4 (38), Pp. 119–142.

8. *Letyagin L.N.* Supremum vale: post-household Russia and literary classics. Estate and dacha in the literature of the Soviet era: losses and gains, comp. O.A. Bogdanova, ed. V.G. Andreeva, O.A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 348–369 (Series “Russian estate in a global context”. Issue 8).

9. *Markov A.V.* Mediality and intermediality of the estate in post-Soviet Russian poetry. *Culture and education*, 2019, No. 2, Pp. 58–68.

10. *Markov A.V.* Iconography of the Russian estate in the poetry of Viktor Krivulin, Elena Schwartz and Olga Sedakova. *Bulletin of the Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletov. Social sciences and humanities*, 2019, No. 3 (19), Pp. 81–91.

11. *Nashchokkina M.V.* Russian estate— temporary and eternal. *Russian estate: collection of OIRU*, issue 9 (25). Moscow, Giraffe Publ., 2003, Pp. 7–21.

12. *Roosevelt, Priscilla.* The fate of Russian estates and their treasures. 1917–1930. *Russian estate: collection of OIRU*, issue 15 (31). Moscow, Ulei Publ., 2009, Pp. 7–24.

13. Text report. URL: <https://litasadba.imli.ru/event/otchet-o-pervom-pyatom-zasedanii-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurusa-usadebnyh>

14. *Khalizev V.E.* Theory of literature: textbook, ed. 3. Moscow, Higher School Publ., 2022. 437 p.

ФЕДОСЕЕВА МАРИЯ СЕРГЕЕВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИРАН), г. Москва, Россия
E-mail: makanja@list.ru

FEDOSEEVA MARIA SERGEEVNA

PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: makanja@list.ru

ОСМЫСЛЕНИЕ УСАДЕБНОГО НАСЛЕДИЯ В ТРУДАХ Н.П. АНЦИФЕРОВА*

UNDERSTANDING THE ESTATE HERITAGE IN THE WORKS OF N.P. ANTSEFEROV

В статье на большом материале, в том числе архивном, рассматривается деятельность известного культуролога, историка, краеведа Николая Павловича Анциферова (1889–1958) по изучению, осмыслению, сохранению, популяризации усадебного наследия. Прослежены корни интереса Анциферова к усадьбе: детство, связанное с усадебно-парковым локусом, сфера научных интересов (русская классическая литература) и специфика научного метода; рассмотрены направления его деятельности в области усадебоведения; показано отношение ученого к усадебному наследию как важной части национальной культуры (как пространства становления писателей, места их встречи с природой и народом, их творческой лаборатории и др.). Делается вывод о том, что архивная, полевая, просветительская работа Анциферова с усадебным наследием внесла весомый вклад в сохранение непрерывности и единства русской культуры.

Ключевые слова: Николай Анциферов, усадьба, русская литература, краеведение, музейное дело, локально-исторический метод, Спасское-Лутовиново.

The article examines the activities of the famous cultural critic, historian, and local historian Nikolai Pavlovich Antseferov (1889–1958) on the study, understanding, preservation, and popularization of the estate heritage using a large amount of material, including archival material. The roots of Antseferov's interest in the estate are traced: childhood associated with the manor and park locus, the sphere of scientific interests (Russian classical literature) and the specifics of the scientific method; the directions of his activity in the field of manor studies are considered; the scientist's attitude to the estate heritage as an important part of national culture (as a place of formation of writers, places of their meeting with nature and people, their creative laboratory, etc.) is shown. It is concluded that Antseferov's archival, field, museum work with the estate heritage has made a significant contribution to the preservation of the continuity and unity of Russian culture.

Keywords: Nikolai Antseferov, manor, Russian literature, local history, museum work, local historical method, Spasskoye-Lutovinovo.

Введение

Н.П. Анциферов вошел в историю русской культуры в большой степени как градовед: многие его труды посвящены осмыслению городской среды¹. В связи с этим в фокусе интереса ученого оказывался городской усадебный локус². Представляют значительный интерес и работы Анциферова, посвященные загородному усадебному наследию. Между тем, несмотря на наблюдаемое с начала 1990-х гг. внимание научного сообщества к личности и наследию Анциферова (проведение в Москве и Санкт-Петербурге чтений памяти ученого, издание его трудов и др.), а также к усадебной культуре как таковой и ее осмыслению, этот «усадебный» пласт работ Анциферова пока не становился предметом отдельного рассмотрения, что определяет *новизну* предпринятого исследования и его *актуальность*. Среди *задач данного исследования* – поиск истоков интереса Анциферова к усадебной культуре, рассмотрение особенностей ее восприятия, принципов работы с культурным наследием. Наиболее целесообразными для решения данных задач, адекватными и методике Анциферова, представляются

ся биографический и культурно-исторический *методы исследования*.

Изложение основного материала

Начало жизненного пути Анциферова было связано именно с усадебным (садово-парковым), а не с городским локусом [см.: 20]. «Моя жизнь связалась с парками», – писал он в воспоминаниях [7, с. 25]. Первым домом, «колыбелью», была известная усадьба Софиевка. Затем семья переехала в Никитский сад на Южном берегу Крыма; оттуда, после смерти отца, в имение Чарторижского Пулавы (Ново-Александрия); затем Анциферов с матерью и друзьями семьи Фортунатовыми оказывается в Киеве, где становится завсегдатаем Ботанического сада; позже, в Москве, он постоянно бывает у Фортунатовых, поселившихся в Петровском-Разумовском (имении графа Разумовского); в Петербурге его жизнь оказывается тесно связана с Петергофским, Павловским и Царскосельским садами. Анциферов оставил необыкновенно поэтичные характеристики этих мест. В воспоминаниях («Из дум о былом») есть также описание «дворянских гнезд»

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

Барановки, Алферова, Дубравы и Поповки, Красной (Царской) Славянки, Ясной Поляны, усадьбы Угол, судьбы которых и до, и после революции складывались по-разному и в совокупности представляют собой разные варианты судьбы русской усадьбы в целом.

В своей трудовой, творческой деятельности, специализируясь на русской литературе XIX в., Анциферов не мог не соприкасаться с темой русской усадьбы. Как теоретик и практик краеведения, последователь локально-исторического метода, он придавал местности огромное значение [см.: 19]. В его опубликованных и неопубликованных работах проблема взаимодействия пространства и человека встает во весь рост. Изучение места является важной частью комплексного, «во всей полноте и реальности» [12, л. 154], «познания былого» [Там же, л. 150–151]. В материалах для книги «Москва в жизни Герцена (Литературные прогулки)» Анциферов писал: «Памятники материальной культуры, сохранившиеся на своих местах – дома, валы, рвы, статуи, наконец сады и парки и т. д. могут нас не хуже письмен приблизить к былому, заставить почувствовать, что на них “запеклась кровь событий”» [Там же, л. 152–153]. По сердечной мысли ученого, посещение мест, связанных с той или иной выдающейся личностью, имеет особое значение, поскольку дает возможность «проникновенно ощутить жизнь» [10, с. 78] человека, глубже понять его внутренний мир. Сохранившиеся усадьбы он предлагал использовать для характеристики той или иной исторической личности или эпохи [9, с. 32]. Так, в отчете о поездке в Коктебель (1937) он писал о доме М.А. Волошина: «Вся обстановка сохранилась в неприкосновенности и прекрасно характеризует личность Волошина. Это уголок поэта, художника, путешественника и краеведа<...> Здесь слагался совершенно особенный быт, приближавшийся к идеалам античности, сочетавший глубокую культурность и изысканность с простотой, почти бедностью» [15, л. 12, 12 об.]. В неопубликованном очерке 1940-х гг. «Архангельское в “Былом и думам”» [12, л. 222–226] (в сильно измененном виде напечатан в сборнике «Литературное Подмосковье» [3]) Анциферов называет Архангельское «комментарием к пушкинскому посланию “К вельможе”» и «прекрасным фоном» портрету князя Н.Б. Юсупова, написанному Герценом [12, л. 224]. Более того, по убеждению Анциферова, образ Юсупова был дан Герценом «через его Архангельское» [3, с. 28].

В своих трудах Анциферов стремится с опорой на литературные авторитеты показать *значимость усадебной культуры* для русской культуры в целом.

Он отмечает *эстетику усадебного пространства*. Так, описывая, как Герцен после утраты своего имения искал место под «дачу» непременно какой-нибудь старой подмосковной усадьбе, Анциферов приводит цитату из книги «Былое и думы»: «Богатые помещики, аристократы XVIII столетия, привсех своих недостатках были одарены какой-то шириной вкуса<...> Старинные барские села и усадьбы по Москве-реке необыкновенно хороши, особенно те, в которых два последних поколения ничего не поправляли и не переименовывали» [10, с. 96].

Анциферов неоднократно пишет о том, что усадьба предоставляла своим владельцам и гостям *условия для работы*: покой, интеллектуальное общение, сюжеты. В работах об И.С. Тургеневе [5, 6, 14] Анциферов

подробно останавливается на большой роли Спасского-Лутовинова в «творческой лаборатории» писателя: здесь «находил он желанный отдых от своих бездомных скитаний по Европе», «в беседке под куполом из старых лип» писал романы «Рудин», «Дворянское гнездо», «Отцы и дети», принимал гостей – Л.Н. Толстого, Д.В. Григоровича, Я.П. Полонского, М.Г. Савину, В.М. Гаршина и др. [14, л. 3]. Многие элементы усадебной жизни вошли в его произведения на правах прототипов.

Аналогично в работах о Герцене Анциферов многократно, опираясь на цитаты, подчеркивает роль подмосковных усадеб – Васильевского, Покровского, дачи в Соколове – в становлении Герцена, в его жизни и творчестве. Это были места как успокоения, отдыха, накопления сил на годы вперед, так и активной работы, места общественных споров [10, с. 101–103], где рождались новые явления внутренней и общественной жизни. «Уединение сельской жизни, близость с природой и даль от людей чрезвычайно хороши. Человек должен по временам отходить в сторону, чтоб собраться. Внешнее однообразие жизни деревенской дает простор внутренним процессам» [Там же, с. 94], – приводит он запись Герцена в дневнике от 16 июня 1843 г., сделанную в усадьбе Покровское.

Для Анциферова представляется важным донести мысль о том, что русская усадьба была одним из *мест встречи писателя с природой*. Именно Спасское-Лутовиново, по его мнению, развило в Тургеневе глубокую, нежную и зоркую любовь к родной природе [6, с. 3]; «нежно любимая» Герценом русская природа в Покровском-Засекине стала необходимым фоном для создания некоторых ключевых его текстов, например, «Писем об изучении природы», саккумулировавших философскую систему Герцена [2, с. 24]. Кроме того, образы усадеб зачастую ложились в основу образа родины. Так, по мнению Анциферова, образ родины у Тургенева выражался в образе русской природы, русской деревни и усадьбы [см.: 6, с. 15], а у Герцена сочетался с ландшафтами Покровского и Васильевского [см.: 10, с. 76].

В контексте советского дискурса важно было подчеркнуть, что именно усадьба становилась *местом встречи писателя-дворянина с народом* – в разных проявлениях: как с мощью, одаренностью русского крестьянина, так и с разными формами его угнетения, что было в одинаковой мере важно для становления писателя. По мнению Анциферова, именно в своем родном «дворянском гнезде» Тургенев лучше узнал нужды деревни и всю последующую жизнь, по мере возможности, старался их облегчить, там зародились ключевые свойства его души – любовь к достоинству человеческой личности и любовь к свободе [6, с. 15, 3]. Исследуя биографию Герцена, Анциферов приходит к выводу, что соприкосновение с жизнью русского крестьянина, наделенного, по словам Герцена, «мужественной красотой» и «проницательным умом» [2, с. 24] (отдельно осмыслен им образ няни³), оказало сильнейшее влияние писателя, который под влиянием «усадебных» впечатлений встает на сторону народа, мучительно осознает свою принадлежность к дворянству и приходит к осуждению социального порядка, основанного на эксплуатации [см.: 10, с. 88–89].

На примере Герцена Анциферов показывает, что

«Русь» – ее природа, народ – была познана писателем всего подмосковных [Там же, с. 77].

Значительный интерес представляют материалы Анциферова, связанные с *полевыми исследованиями усадеб на местности* [12, 14, 15] и потребовавшие от исследователя, по мнению директора Государственного литературного музея В.Д. Бонч-Бруевича, «больших литературоведческих и исторических знаний» [18, с. 90]. В этих записях и отчетах подробно описывается состояние усадеб на момент осмотра, дается историческая справка, привлекаются литературные источники, которые сопоставляются между собой и прикладываются к местности. Данные документы также дают представление о той работе по увековечиванию памяти о людях и событиях, которую вел Анциферов «на местах». В частности, интересна его записка Бонч-Бруевичу от 26 апреля 1937 г., где он предлагает в целях изучения и популяризации творчества Герцена продолжить обследование и фотосъемку герценовских мест в окрестностях Москвы: Соколова, Покровского-Рубцова (на тот момент уже были обследованы Архангельское, Васильевское, Загорье, Перхушково, Покровское-Засекино), провести экскурсии по герценовским местам для сотрудников музея; организовать в усадьбах, занятых подразличными функциональными нужды (санатории, биостанции, совхозы и др.), постоянные выставки Герцена «типа уголков», где давались бы общая характеристика значения Герцена, роли данной усадьбы в жизни Герцена, план местности, снимки мест и лиц, связанных с Герценом по данной местности, тексты, относящиеся к данной местности [15, л. 1–1 об.]. Такие же выставки Анциферов предлагает сделать во всех памятных местах – в Соколове [Там же, л. 8 об.], Звенигороде [Там же, л. 11–11 об.] и др.

Параллельно осуществляется поиск подлинных вещей из этих опустевших усадеб. Анциферов обращается к руководству ГЛМ с просьбой снести с областным музеем в Истре (где в 1920–1930-е гг. концентрировались предметы из национализированных усадеб, преимущественно западной части Московской губернии) относительно судьбы имущества Голохвастовых Покровском-Рубцове [12, л. 416 об.]. Анциферов едет в Звенигород (в его окрестностях располагались усадьбы Покровское, Васильевское, Перхушково), где знакомится с научным сотрудником местного музея Сергеем Петровичем Ивановым, который изучал Покровское и вывез несколько меморий в музей. В целях создания возможно более целостного представления об усадьбе Анциферов предлагает сосредоточить сохранившиеся мемории Покровского в одном месте, причем предпочтительнее – в месте первоначального хранения, в усадьбе, и максимально их обезопасить, взяв под крыло Литературного музея [15, л. 11].

Материалы Анциферова об усадьбах (как изданные, так и, в большей степени, неопубликованные) свидетельствуют о *напряженной исследовательской работе ученого* – о работе с документальными и литературными источниками [см., напр.: 11], работе на местности, психологической работе, вкупе и составляющими его метод. Анциферов в своих исследованиях не оставляет за скобками, а учитывает как полноправную часть познания субъективное ощущение от пребывания в том или ином пространстве, личный опыт его прожива-

ния, так же как и личный жизненный опыт как таковой. В автобиографии Анциферов приводит воспоминания о Софиевке (их написание относится предположительно к 1940 г.): «Много лет спустя, вчитываясь в терцины Пушкина, написанные им в подражание Данте, я вспоминал сад своего детства. Мне казалось, что все, от слова до слова, относилось ко мне.

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.
Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум, <...>

Да, все это было и со мною в моей Софиевке [курсив мой. – М. Ф.]» [7, с. 26–27]. А в заметке об Архангельском (опубликована в сборнике «Литературное Подмосковье», 1950) [3] Анциферов обращается к раннему детству Пушкина в московской городской усадьбе Юсупова в Харитоньевском переулке, в «великолепном парке» которой «были пруд, статуи, грот. Маленький Саша Пушкин любил сюда забегать. Первое впечатление от “*великолепного мрака чужого сада*” запомнилось ему. И, бродя по дорожкам царскосельского парка “*между белыми кумирами*”, он мог вспоминать и парк своего детства [курсив мой. – М. Ф.]» [3, с. 18]. Скрупулезное следование за авторской мыслью, отраженной, как в системе зеркал, в документальных источниках, родственных текстах, собственных ощущениях, и учет этой системы приводят к научным прозрениям и делают исследование полноценным: «Прошлое, просвечивая сквозь настоящее, углубляет наше восприятие, делает его более острым и чутким, и нашему духовному взору раскрываются новые стороны» [3, с. 34]. Эти принципы лежат в русле современного усадебоведения [1], литературного краеведения и экскурсоведения [21], соотносятся с актуальным междисциплинарным подходом [22].

Анциферов понимал, что «усадебный» аспект русской культуры требует осмысления (и в определенной степени – переосмысления) с учетом значимости «усадебной» составляющей в складывании и функционировании отечественной культуры в целом, в формировании ее видных представителей: пусть «усадебные» черты, черты культуры прошлого «не определяют существо автора <...>. Но тем не менее их нельзя забыть при определении духовного облика» («Архангельское в “Былом и думах”») [12, л. 224].

Полноценная и объективная разработка «усадебной» проблематики в первой половине XX в. по очевидным причинам была затруднена. Характерна фраза из предисловия к сборнику «Литературное Подмосковье» (1950): «Всегда надо помнить, что роскошь вотчин, подобных юсуповскому Архангельскому, все эти богатства – картины, бронза, библиотеки, скульптуры и гобелены – были приобретены их всевластными собственниками – феодалами-помещиками за счет тяжкого труда многих тысяч крепостных крестьян» [17, с. 5]. Такое понимание наложило определенный отпечаток на ряд текстов Анциферова. В частности, он отмечает положительную роль советской власти в судьбе ряда усадеб (что имело под собой некоторые основания, но по отношению к усадебной культуре в целом не соответствовало действительности). В духе времени опи-

сывает Анциферов парк Архангельского: «Он лишен всякой меланхолической задумчивости, свойственной запущенным уголкам былого. Парк дышит радостной жизнью нашего советского сегодня. <...> Так наша эпоха, на примере Архангельского, осваивает культурное наследие, бережно охраняя лучшее, что оставлено нам минувшими временами, ставит его на службу новой жизни» [3, с. 30]. Положительно оценивается также роль советской эпохи в судьбе Спасского-Лутовинова: «Со смертью Тургенева Спасское-Лутовиново было заброшено. Оно на время разделило судьбу тех усадеб, о которых писал Тургенев: “<...> усадьбы, «дворянские гнезда», понемногу исчезали с лица земли, дома сгнивали или продавались на своз, каменные службы превращались в груды развалин, яблони вымирали и шли на дрова, заборы и плетни истреблялись <...> («Мой сосед Родилов»))”. Парк Спасского одичал. Исчезли цветники. Глухо шумели липы, уныло каркали грачи в березовой роще. При советской власти Спасское-Лутовиново ожило. Правительственным декретом оно было превращено в Тургеневский заповедник» [14, л. 3–4]; более того, восстановление усадьбы в 1940-е гг. становится одним из символов послевоенного возрождения культуры страны [5, с. 66].

Тем не менее, несмотря на недлинный ряд подобных исключений, усадебное наследие в целом в советскую эпоху находилось на дальней периферии общественно-

го сознания и интереса. Анциферов сознавал, что сохранить всё невозможно; но зарисовать, сфотографировать, описать всё несомненно ценное в истории культуры он считал долгом ученого и каждого культурного человека [8, с. 331–332]. Он понимал, что среди того, «что должно было быть сохранено для полноценности культуры грядущего» [12, л. 226], непременно должны быть усадьбы, и выстраивал свою научно-просветительскую работу в соответствии с этим пониманием.

Выводы

Вехи биографии Анциферова, профиль его научной работы – русская классическая литература – и специфика научного метода сформировали устойчивый интерес ученого к усадебному наследию.

Анциферов видел многогранность и ценность усадебной культуры: как пространства становления писателей, места их встречи с русской природой и с русским народом, как их творческой лаборатории и др. Научная (архивная и «полевая»), просветительская работа Анциферова с усадебным наследием, проявившаяся в научной фиксации и изучении усадебных комплексов, осмыслении феномена русской усадьбы, популяризации знаний об усадьбе как неотъемлемой части отечественной культуры, явилась важным звеном в поддержании непрерывной культурной традиции.

Примечания

1. «Быль и миф Петербурга», «Душа Петербурга», «Петербург Достоевского», «Москва Пушкина», «Как изучать свой город: В плане школьной работы», диссертация «Проблемы урбанизма в русской художественной литературе. Опыт построения образа города — Петербурга Достоевского — на основе анализа литературных традиций», «Пути изучения города как социального организма. Опыт комплексного подхода. «Книга о городе» (в соавторстве с Т.Н. Анциферовой), «Ярославль. История. Культура. Быт» (в соавторстве с А.А. Золотаревым), «Москва» (в соавторстве с С.В. Бахрушиным, С.А. Гарелиной, П.И. Лопатыным) и др.

2. См., напр.: Анциферов Н.П. Грибоедовская Москва // А.С. Грибоедов, 1795–1829: Сб. ст. М.: Гослитмузей, 1946. С. 150–183; Анциферов Н.П. Москва Пушкина / под общ. ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.: Изд-во и тип. Госкультпросветиздата, 1950. 80 с.; Анциферов Н.П. Москва Пушкина / под общ. ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.: Изд-во и тип. Госкультпросветиздата, 1950. 64 с.; Анциферов Николай Павлович. Некрасовские места Петербурга и его окрестностей. 1940-е гг. 24 с. // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 80; Анциферов Николай Павлович. Дворянские гнезда Тверского бульвара. 1933–1937. 160 с. // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 94; Анциферов Н., Елеонский С. Культурные очаги Москвы XVIII века // Литературные экскурсии по Москве: Культурные очаги Москвы XVIII в. Москва в жизни и творчестве А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.И. Герцена, Н.В. Станкевича, А.Н. Островского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, А.М. Горького, В.В. Маяковского. М.: Государственный литературный музей, 1948. С. 9–28; Анциферов Н.П. Литературная Москва 30–40-х годов XIX века // Там же. С. 102–131; Анциферов Н.П. Москва в жизни Герцена (Литературные прогулки) // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 134–189 и др.

3. «На мрачном фоне крепостного бесправия образ “няни” иногда возникал, освещенный неожиданным светом. Отношения, слагавшиеся между “барским дитятей” и “рабой” в недрах “дворянского гнезда” приобрели иногда такое значение, что “холопка” в сознании своего воспитанника заслоняла барыню — мать. Случалось, что такие отношения сохранялись в течение целой жизни. <...> Няня забросила семя критического отношения маленького “Шушки” к барству, давшее крепкий росток» [16, л. 24, 24 об.].

Библиографический список

1. Акимова М.С. Методология Н.П. Анциферова как ресурс для «усадебных» исследований // Проблемы методологии и теоретическая «усадебных» исследований в российском и зарубежном литературоведении — 4. Тезисы участников научного семинара. Электронное издание. ИМЛИ им. А.М. Горького РАН. 2020. — URL: <https://litusadba.imli.ru/event/tezisy-uchastnikov-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurusa-usadebnyh-issledovaniy> (09.03.2024)

2. Анциферов Н.П. А.И. Герцен. Очерк жизни и творчества. 1812–1870: К 75-летию со дня смерти / под ред. И.Г. Клубуновского. М.: Государственный литературный музей, 1945. 63 с.

3. Анциферов Н.П. Архангельское // Литературное Подмосковье: Архангельское, Черная Грязь, Захарово, Абрамцево, Мелихово, Шахматово, Кунцево. М.: Государственное издательство культурно-просветительской литературы, 1950. С. 9–30.

4. Анциферов Н.П. Душа Петербурга. Петербург: Издательство «Брокгауз-Ефрон», 1922. 227 с.

5. Анциферов Н.П. И.С. Тургенев. 1818–1883. 2-е дополненное изд. / под ред. В.Д. Бонч-Бруевича. М.: Государственный литературный музей, 1947. 68 с.

6. Анциферов Н.П. И.С. Тургенев. К 125-летию со дня рождения. М.: Государственный литературный музей, 1944. 32 с.

7. Анциферов Н.П. Из дум о былом: Воспоминания / вступ. ст., сост., примеч. и аннот. указ. имен А.И. Добкина. М.: Феникс: Культурная инициатива, 1992. 511 с.

8. Анциферов Н.П. Краеведный путь в исторической науке. (Историко-культурные ландшафты) // Краеведение. 1928. № 6. С. 321–338.

9. Анциферов Н.П. О методах и типах историко-культурных экскурсий. Петроград: Культурно-просветительное кооперативное товарищество «Начатки знаний», 1923. 40 с.

10. Анциферов Н.П. Подмосковные Герцена // Подмосковные: Авдотьино, Мураново, Средниково, Подмосковные Герцена,

Чеховская Истра. М.: Государственный литературный музей, 1946. С. 73–104.

11. Анциферов Николай Павлович // ГАРФ. Ф. 5142. Оп. 8. Ед. хр. 557. 15 л.
12. Анциферов Николай Павлович. «Любовь Герцена», первоначальный набросок и конспект книги. «Личное и общее в жизни Герцена»; «Москва в жизни Герцена». Отчеты о поездке в Черную Грязь и Покровское-Рубцово. 1940-е гг. 427 с. // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 108.
13. Анциферов Николай Павлович. Летопись жизни и творчества А.И. Герцена. 1812–1852. Москва, Ленинград. 1937. 236 с. // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 109.
14. Анциферов Николай Павлович. Освобождение тургеневского дворянского гнезда. Разгром и разорение тургеневских мест фашистами. 1940-е гг. // ОР РНБ. Ф. 27. Оп. 1. Ед. хр. 118. 5 с.
15. Анциферов Николай Павлович. Отчеты и докладные записки научного сотрудника ГЛМ Н.П. Анциферова о командировках в Коктебель, Ленинград, Одинцово, Звенигород и др. места, связанные с жизнью и творчеством М.А. Волошина, А.И. Герцена, М.Ю. Лермонтова. // РГАЛИ. Ф. 612. Оп. 1. Ед. хр. 60. 24 с.
16. Анциферов Николай Павлович. Договоры и переписка с Н.П. Анциферовым об издании его книг «Вокруг Герцена» и «Летопись жизни и творчества А.И. Герцена». // РГАЛИ. Ф. 629. Оп. 1. Ед. хр. 15. 78 л.
17. Литературное Подмосковье: Архангельское, Черная Грязь, Захарово, Абрамцево, Мелихово, Шахматово, Кунцево. М.: Государственное издательство культурно-просветительной литературы, 1950. 155 с.
18. *Московская Д.С.* О времени и о себе. Из переписки В.Д. Бонч-Бруевича с Н.П. Анциферовым // Вторые московские Анциферовские чтения. Сб. статей по материалам международной конференции, посвященной 140-летию В.Д. Бонч-Бруевича / сост., науч. ред. Д.С. Московская; отв. ред. Д.П. Бак. М.: Государственный литературный музей, Три квадрата, 2014. С. 88–131.
19. *Московская Д.С.* Локально-исторический метод в литературоведении Николая Анциферова: генезис и контексты // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 6–20.
20. *Нечаев П.А.* Анциферов: сады моего детства // Теория и практика регионоведения. Т. IV. История и культура Петербурга: Избранные труды Анциферовских краеведческих чтений / сост. А.В. Кобак, В.В. Яковлев; гл. ред. В.В. Яковлев, отв. ред. Т.В. Вольская. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2020. С. 68–80.
21. *Святославский А.В.* Анциферовские принципы анализа художественной пространственной среды как методическая основа современного литературного краеведения и экскурсоведения // Н.П. Анциферов. Филология прошлого и будущего. По материалам Международной научной конференции Первые Московские Анциферовские чтения. Москва, 25–27 сентября 2012 г. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 32–37.
22. *Скорыходов М.В.* Помещицья усадьба в русской литературе конца XIX — первой трети XX в.: междисциплинарный подход / отв. ред. Е.В. Глухова. М.: ИМЛИ РАН, 2020. 272 с.

References

1. *Akimova, M.S.* Methodology of N.P. Antsiferov as a resource for “manor” research // Problems of methodology and thesaurus of “manor” research in Russian and foreign literary studies — 4. Abstracts of the participants of the scientific seminar. Electronic edition. IMLI RAS. 2020. — URL: <https://litusadba.imli.ru/event/tezisy-uchastnikov-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurusasusadebnyh-issledovaniy> (03.09.2024)
2. *Anciferov, N.P.* A.I. Herzen. An Essay on Life and Creativity. 1812–1870: to the 75th Anniversary of His Death. Ed. by I.G. Klabunovsky. M.: State Literary Museum, 1945. 63 p.
3. *Anciferov, N.P.* Arkhangelskoye // Literary Moscow Region: Arkhangelskoye, Chernaya Gryaz', Zakharovo, Abramtsevo, Melikhovo, Shakhmatovo, Kuntsevo. M.: State Publishing House of Cultural and Educational Literature, 1950. Pp. 9–30.
4. *Anciferov, N.P.* The Soul of St. Petersburg. St. Petersburg: Brockhaus-Efron Publishing House, 1922. 227 p.
5. *Anciferov, N.P.* I.S. Turgenev. 1818–1883. 2nd expanded edition / ed. by V.D. Bonch-Bruевич. M.: State Literary Museum, 1947. 68 p.
6. *Anciferov, N.P.* I.S. Turgenev. To the 125th Anniversary of His Birth. M.: State Literary Museum, 1944. 32 p.
7. *Anciferov, N.P.* From Thoughts About the Past: Memoirs / ed. by A.I. Dobkin. M.: Phoenix: Cultural Initiative, 1992. 511 p.
8. *Anciferov, N.P.* The Way of Local Lore in Historical Science. (Historical and Cultural Landscapes) // Local history, no 6, 1928. Pp. 321–338.
9. *Anciferov, N.P.* About Methods and Types of Historical and Cultural Excursions. Petrograd: Cultural and educational cooperative association “The beginnings of knowledge”, 1923. 40 p.
10. *Anciferov, N.P.* Herzen's Estates Near Moscow // Estates Near Moscow: Avdotino, Muranovo, Serednikovo, Herzen's Estates Near Moscow, Chekhov's Istra. M.: State Literary Museum, 1946. Pp. 73–104.
11. Antsiferov Nikolai Pavlovich // GARF. F. 5142. Op. 8. Ed. hr. 557. 15 p.
12. Antsiferov Nikolai Pavlovich. “The Love of Herzen”, the Initial Outline and Synopsis of the Book. “Personal and General in Herzen's Life”; “Moscow in Herzen's Life”. Reports on the Trip to Chernaya Gryaz' and Pokrovskoye-Rubtsovo. 1940s // OR RNB. F. 27. Op. 1. Ed. hr. 108. 427 p.
13. Antsiferov Nikolai Pavlovich. Chronicle of the Life and Work of A.I. Herzen. 1812–1852. Moscow, Leningrad. 1937 // OR RNB. F. 27. Op. 1. Ed. hr. 109. 236 p.
14. Antsiferov Nikolai Pavlovich. Liberation of the Turgenev Noble Nest. The Defeat and Destruction of Turgenev Places 20 by the Fascists. 1940s // OR RNB. F. 27. Op. 1. Ed. hr. 118. 5 p.
15. Antsiferov Nikolai Pavlovich. Reports and Memos of GLM researcher N.P. Antsiferov on Business Trips to Koktebel, Leningrad, Odintsovo, Zvenigorod and Other Places Associated with the Life and Work of M.A. Voloshin, A.I. Herzen, M.Yu. Lermontov // RGA LI. F. 612. Op. 1. Ed. hr. 60. 24 p.
16. Antsiferov Nikolai Pavlovich. Contracts and Correspondence with N.P. Antsiferov on the Publication of His Books “Around Herzen” and “Chronicle of the Life and Work of A.I. Herzen” // RGA LI. F. 629. Op. 1. Ed. hr. 15. 78 p.
17. Literary Moscow Region: Arkhangelskoye, Chernaya Gryaz', Zakharovo, Abramtsevo, Melikhovo, Shakhmatovo, Kuntsevo. M.: State Publishing House of Cultural and Educational literature, 1950. 155 p.
18. *Moskovskaja, D.S.* About Time And About Yourself. From The Correspondence of V.D. Bonch-Bruевич With N.P. Antsiferov // The Second Moscow Antsiferov's Readings. Collection of Articles Based on the Materials of the International Conference Dedicated to the 140th Anniversary of V.D. Bonch-Bruевич / ed. by D.S. Moskovskaja, D.P. Bak. M.: State Literary Museum, Three Squares, 2014. Pp. 88–131.

19. *Moskovskaja D.S.* The Local-Historical Method in Literary Criticism by Nikolai Antsiferov: Genesis and Contexts // *Philological regionalism*, no 1–2, 2009. Pp. 6–20.
20. *Nechaev P.A.* Antsiferov: Gardens of My Childhood // *Theory and Practice of Regional Studies*. Vol. IV. The History and Culture of St. Petersburg: Selected Works of Antsiferov's Local History Readings / ed. by V.V. Jakovlev, A.V. Kobak, T.V. Vol'skaja. St. Petersburg: A.I. Herzen State Pedagogical University, 2020. Pp. 68–80.
21. *Svjatoslavskij A.V.* Antsiferov's Principles of the Analysis of the Artistic Spatial Environment as a Methodological Basis of Modern Literary Local Lore and Guided Tours // N.P. Antsiferov. *Philology of the Past and the Future*. Based on the Materials of the International Scientific Conference The First Moscow Antsiferov's Readings. Moscow, September 25–27, 2012. M.: IMLI RAS, 2012. Pp. 32–37.
22. *Skorokhodov M.V.* The landowner's estate in Russian literature of the late XIX – first third of the XX century: an interdisciplinary approach / ed. by E.V. Glukhova. M.: IMLIRAS, 2020. 272 p.

БОРИСОВА ДАРЬЯ МАКСИМОВНА

младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

BORISOVA DARIA MAXSIMOVNA

Junior research assistant, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: borisovadarya2015@yandex.ru

«УСАДЕБНЫЙ» РАССКАЗ К.Г. ПАУСТОВСКОГО «ЧЕТВЕРО»*

THE «MANOR» STORY BY K.G. PAUSTOVSKY «FOUR»

Исследование ранней прозы К.Г. Паустовского (1910-е гг.) помогает изучить творческую эволюцию писателя, проследить дальнейшее развитие тем, проблем и мотивов, впервые заявленных в произведениях начинающего автора. Данная статья посвящена рассказу «Четверо» (1913) – второму опубликованному произведению Паустовского. Действие рассказа разворачивается в старинном поместье, в описании которого угадываются брянские Рёвны, где писатель гостил в 1902–1912 гг. Паустовский показывает период перехода от «усадебной» модели жизни к «дачной»: дворянские имения населяются дачниками – временными гостями, для которых усадьба лишь место беззаботного отдыха на природе. Главные герои – молодые люди, ищущие выход из духовного кризиса – выбирают иную модель: жизнь в лесной караулке, погружение в народную жизнь и усадебное прошлое. В раннем рассказе писатель впервые обращается к усадебной теме и неразрывно связанной с ней теме природы; и дворянские имения, и окружающие их живописные пейзажи – источник эстетического наслаждения, возможность обретения душевного спокойствия и гармонии с миром. Эти темы получают развитие в зрелой прозе автора.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, рассказ «Четверо», усадьба, усадебный текст, усадебный миф, Рёвны.

The study of K.G. Paustovsky's early prose (1910s) helps to study the creative evolution of the writer, to trace the further development of themes, problems and motives, first stated in the works of the novice author. This article is devoted to the short story «The Four» (1913), the second published work by Paustovsky. The action of the story takes place in an ancient estate, in the description of which the Bryansk Revnas are guessed, where the writer stayed in 1902–1912. Paustovsky shows the period of transition from the «manor» model of life to the «country»: noble estates are inhabited by summer residents – temporary guests, for whom the manor is only a place of carefree recreation in nature. The main characters – young people looking for a way out of a spiritual crisis – choose a different model: life in a forest guardhouse, immersion in folk life and the manor past. In an early story, the writer for the first time addresses the manor theme and the inextricably linked theme of nature; both noble estates and the picturesque landscapes surrounding them are a source of aesthetic pleasure, the opportunity to find peace of mind and harmony with the world. These themes will be developed in the author's mature prose.

Keywords: K.G. Paustovsky, short story, “Four”, manor, manor text, manor myth.

Введение

Актуальность данной статьи обусловлена возросшим в последнее время интересом к творчеству К.Г. Паустовского, в том числе к «усадебным» произведениям автора. Как нам представляется, актуализация творческого наследия писателя связана не только с его прошедшим 130-летним юбилеем, но и с включением в научный и культурный оборот новых архивных материалов, с осознанием необходимости уточнения места Паустовского в литературном процессе. Новейшие исследования открывают Паустовского как одного из ключевых «усадебных» авторов советской эпохи; изображение помещичьих и иных имений, взаимодействие писателя с «усадебным текстом» русской классики исследовались в работах М.С. Федосеевой [16] и В.Г. Андреевой [1], [2]. Цель статьи – изучить ранний рассказ Паустовского «Четверо» (1913) как первое «усадебное» произведение в творческом насле-

дии автора; проследить дальнейшее развитие тем, проблем и мотивов, впервые заявленных в этом рассказе. Новизна данной статьи – в обращении к раннему рассказу как к «закладному камню» творческой судьбы писателя. Проза Паустовского 1910-х гг. ранее исследовалась в трудах Л.С. Ачкасовой [3]; С.А. Мантровой [7], Е.С. Тереховой [14], [15]; к изображению усадьбы в рассказе «Четверо» обращалась В.Г. Андреева [2]. Продолжая традиции исследования, мы хотим выделить рассказ «Четверо» как ключевое произведение ранней прозы писателя, начинающее главные темы творчества автора, в том числе тему усадебного прошлого. *Методы исследования:* историко-литературный, контекстуальный, сравнительный, мифопоэтический.

Изложение основного материала

Рассказ Паустовского «Четверо» вышел в 1913 г. в киевском журнале «Рыцарь» [12].

В 1910-х гг. Паустовский делал первые шаги на ли-

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

тературном поприще. Годом ранее вышел дебютный рассказ «На воде» («Огни», 11 августа 1912 года, № 32), пишутся стихи – но им не суждено будет увидеть свет¹.

Публикация была для никому не известного литератора большой удачей. «Рыцарь» предназначался для молодых людей, а главный редактор – искусствовед, краевед и публицист Евгений Михайлович Кузьмин – охотно печатал начинающих писателей. Обстоятельства публикации Паустовский, изменив сюжет рассказа, описал в первой книге «Повести о жизни»: «Кузьмин <...> разговаривал со мной, почтительно склонив голову. Я краснел и не знал, как поскорее уйти. <...> “Мой журнал, – сказал он, – является трибуной молодых талантов. Очень рад, если мы найдем еще одного собрата”»; «Через два дня пришла открытка <...>. Кузьмин писал, что он прочел рассказ и напечатает его в ближайшем номере журнала» [8, с. 212, 214].

При жизни Паустовского рассказ «Четверо» не переиздавался. Известно, что в зрелости Паустовский критично относился к своей ранней прозе, особенно к юношеским рассказам, хотя отмечал первую публикацию как важную веху («Коротко о себе», 1959). Литературный секретарь Паустовского Л.А. Левицкий вспоминал, как безуспешно пытался убедить писателя опубликовать в собрании сочинений рассказ «На воде» [6, с. 356]. Подлинным началом своего писательского пути автор считал работу в газетах и журналах в первой половине 1920-х гг. Из ранних произведений в собрания сочинений в шести (1957–1958) и восьми (1967–1976) томах войдут только «Романтики».

Позднее произведение было напечатано с небольшими сокращениями в киевском журнале «Радуга» (1969, №2). Позже оно было включено в сборник Паустовского «Рассказы. Очерки. Статьи» (1972) и в собрание сочинений в девяти томах (1981–1986).

Действие рассказа начинается «в глуши, в старинной дедовской усадьбе», где «собралось на лето большое общество» [13, с. 8]. Прообразом усадьбы послужило хорошо знакомое писателю брянское имение Рёвны.

Усадебный комплекс, сложившийся на рубеже XVIII–XIX вв., включал двухэтажный господский дом с мансардой и живописный парк, переходящий в лес. Создание дома местная легенда приписывала самому Растрелли. Доподлинно не известно, касалась ли чертежей рука великого архитектора или это была работа одного из его учеников или подражателей; зато история сохранила имя садовника – крепостного Егора Ивановича Коптева, обучавшегося в имениях Шереметевых Кусково и Останкино. Считается, что законченный вид Рёвны обрели при И.С. Страхове, герое Отечественной войны 1812 г., отличившемся при Бородино. Во второй половине XIX в. усадьба, неоднократно менявшая хозяев, постепенно пришла в упадок. Последний владелец Рёвен почти не бывал в своей усадьбе; дом пустовал и ветшал, великолепный когда-то парк зарастал, от разрушившихся беседок остались только фундаменты, от садово-парковых скульптур – постаменты. В угасающей усадьбе давно шла дачная жизнь: одна из последних владелиц, Шарлотта Фромфельд, сдавала на лето комнаты в господском доме и построила еще полдюжины дач в окрестностях парка. Один из этих домиков снимал дядя Паустовского – во-

енный инженер Николай Григорьевич Высочанский. В 1902–1912 гг. будущий писатель подолгу жил у дяди в Брянске и Рёвнах [5].

В рассказе «Четверо» усадьба обрисована несколькими штрихами, но даже краткое описание показывает отношение к усадебному миру: не говоря ни слова о ветхости и запущенности, рассказчик упоминает «липовый парк», «леса», «вековое безмятежное спокойствие» [13, с. 8].

Среди дачников оказываются молодой художник, двое студентов и гимназист. «Утомленные городом, бессильные, отравленные отрицанием и насмешкой», они надеются отдохнуть и вернуть себе душевное равновесие. Однако дачная жизнь не радует героев; даже «вековое безмятежное спокойствие» парков и лесов не приносит облегчения: четверо «томились и не знали, что делать» [Там же].

Выход из духовного кризиса предлагает художник, играющий в компании молодых людей роль лидера и, возможно, самый старший из четверых. Герой резко осуждает «хандру» и «пессимизм» товарищей.

Четверо решают оставить дачное общество и провести два летних месяца в лесу, в далекой караулке. «Великий уход» героев – не спонтанное «бегство от цивилизации», а продуманное и взвешенное решение. Художник берет с товарищей клятву посвятить эти два месяца напряженной внутренней работе и неустанному духовному поиску. Изоляция от привычного окружения и быта, отказ от писем, книг и газет должны помочь «забыть суету, тоску и будни» и «прислушаться к самому себе» [13, с. 8–9]; природа – залечить душевные раны, заново открыть красоту и гармонию бытия.

Лесная караулка становится для молодых людей убежищем и от беззаботной компании дачников, в которой мятущиеся герои чувствуют себя чужими, и от безрадостного прошлого. Два месяца герои «бродили в <...> лесах, по заросшим дорогам и без дорог», «зажигали костры в полях, под небом, где пахло теплой созревающей рожью», «бывало, <...> шли до зари по незнакомым тропам наугад, без цели». «Великий уход» оказывается не только «бегством» или «отшельничеством», но и путем в неизведанное, испытанием себя. Ключевой в рассказе становится оппозиция «город» – «природа». Город наделен эпитетами «угрюмый» и «тусклый», «цивилизованная» жизнь лишает душевных сил даже молодых, полных сил людей. Природный мир, напротив, благоволит человеку: даже в «бесконечных и диких» [13, с. 9–11] лесах герои не ощущают тоски, одиночества, «равнодушия» природы – напротив, и брянские чащи, и «окультуренный» сельский ландшафт оказывают целительное воздействие на тоскующую душу. Соприкосновение с красотой природы приносит и восторг, и жажду творчества, и, наконец, желанное успокоение.

За время «великого ухода» четверо сближаются, свободно делятся друг с другом мыслями и переживаниями, внезапными озарениями и открытиями. Вечерние разговоры молодых людей становятся настоящими философскими беседами, помогающими им найти истину.

Каждый из героев, помимо того, избирает свой путь постижения мира и собственной души. Художник посвящает большую часть времени творчеству, гимназист – уединенным размышлениям о скоротечности жизни и

смысле бытия; герой обретает веру и ищет ответы на свои вопросы, часами глядя «в глаза кротких, изможденных угодников Божьих». Студент много беседует с товарищами о любви, создавая свою философию, свой культ высочайшего чувства: любовь имеет «божественную сущность», «она – творчество, она – смысл земли». В рассуждениях героя, несомненно, отразились и романтические традиции, и философские искания Серебряного века. Другого студента – самого рассказчика – духовный поиск приводит к «старым, екатеринским усадьбам, в большие села». Герой бродит по дорогам вместе со слепыми певцами, отстаивает многочасовые службы в церквях, посещает сельские ярмарки. Вливаясь в «естественную» народную жизнь, рассказчик постепенно исцеляется от городской усталости и бесконечной «интеллигентской» рефлексии. Герой стремится вернуться к корням, ищет забытый идеал и в традиционном, общинном бытии простых крестьян, и в усадебном прошлом: «Думал о красивой жизни, что ушла из белых домов с колоннами, из дворянских заброшенных гнезд» [13, с. 10]. В усадебной жизни «Золотого века» рассказчик ищет идеал гармонии человека и мира, потерянный буржуазным индустриальным обществом. Характерно, что опустевшие «дворянские гнезда», ставшие памятниками «красивой жизни», становятся для героя даже ближе, чем превращенная в дачу старинная усадьба.

В рассказе отразился «усадебный миф», возникший на рубеже XIX–XX вв. как ответ на угасание реальной русской усадьбы. Характерными чертами этого мифа были идеализация и поэтизация дворянских имений «Золотого века», критика дачного и городского образа жизни, восприятие гибели старинного помещичьего уклада как национальной трагедии. В нарисованной молодым автором картине чувствуется определенная «литературность», обобщенность образа «белых домов с колоннами». Впечатления от жизни в Рёвнях и маленьком «родовом имении» Городище², несомненно, соединились у Паустовского с прочитанными произведениями «Золотого» и Серебряного веков (И.С. Тургенев, И.А. Бунин, А.А. Блок, К.Д. Бальмонт), с увиденными картинами (В.Э. Борисов-Мусатов).

«Великий уход» не только сдружил молодых людей, но и преобразил их. Добровольная изоляция от привычного общества и быта, тесное соприкосновение с природой и «естественной» народной жизнью дали импульс свободному творческому поиску и способствовали перемене душевного состояния героев. Четверо возвращаются обновленными, успокоенными и примиренными с жизнью. Рассказ завершается словами: «Теперь в каменном, угрюмом и тусклом городе в минуты усталости я вспоминаю, как сон, эти два месяца в лесной караулке, два месяца, что были, быть может, оправданием жизни» [13, с. 11].

Небольшой рассказ, написанный в самом начале творческого пути Паустовского, стал «закладным камнем» его писательской судьбы. В раннем произведении уже видны черты авторского стиля, особенности писательского мировоззрения, заложены темы, которые писатель будет развивать на протяжении многих лет.

«Представление в рассказе “Четверо” усадебной тематики позволяет осмыслить ее важнейшие аспекты и духовно-нравственные стороны, которые в более позд-

них послереволюционных произведениях Паустовского не исчезают, но уходят в подтекст, сложно выявляются и в некоторой степени трансформируются в процессе творческой эволюции писателя и созерцания им окружающей действительности», – отметила В.Г. Андреева [2, с. 79]. Пережив в молодости увлечение «усадебным мифом», Паустовский перерастет его крайности (неприятие дачной жизни, излишняя идеализация усадебного прошлого). При этом писатель не примет и советский «стереотип восприятия дворянско-усадебной жизни», акцентирующий исключительно «ее отрицательные стороны: крепостное рабство, политическое бесправие крестьянского сословия» [4, с. 201]. Не идеализуя помещичью жизнь, писатель будет видеть в русской усадьбе высокую культурную ценность, пространство памяти, место, связанное со светлыми страницами детства и юности. Во многих произведениях писателя появятся разные варианты трансформации усадебного топоса: музей, заповедник («Михайловские рощи», 1938; «Дым Отечества», 1944 (1951); «Хранительница», 1946; «Ветер скорости», 1954), дом отдыха («Аннушка», 1946; «Повесть о лесах», 1948). Утратив свою хозяйственную функцию, усадьба и в советскую эпоху остается местом, где можно прикоснуться к прекрасной культуре, к историческому прошлому и живописной природе, обрести вдохновение и душевный покой. В годы войны усадьба становится символом русской культуры, ради которой герои готовы пожертвовать собой («Михайловские рощи», 1938; «Дым Отечества», 1944 (1951); «Хранительница», 1946).

Спустя десятилетия после выхода рассказа «Четверо» писатель вновь обратится к изображению «полуусадебной-полудачной» жизни в Рёвнях. Воспоминания о проведенных там летних месяцах отразятся в автобиографической «Повести о жизни» (книга «Далекое годы», 1946) и в очерке «Зеленая стража» (1948). Рассказчик «Четверых» восхищался красотой угасающего имения, но не находил в кипящей там новой, дачной, жизни возможностей для исцеления души. Зрелый писатель не будет противопоставлять «трансформированную» усадьбу «белым домам с колоннами», тем более что в советское время многие функции усадьбы унаследовала дача. Свою любовь к Средней России и призвание «певца русской природы» Паустовский будет связывать именно с жизнью в Рёвнях [9, с. 206].

Восприятие природы как источника душевного покоя и вдохновения будет характерно для Паустовского на протяжении всей его творческой биографии. «Великий уход» героев рассказа «Четверо» будет иметь продолжение как в реальной жизни писателя, так и в его произведениях. В 1930–1960-е гг. Паустовский будет проводить лето вдали от столицы, на даче – сначала в Солотче, потом – в Тарусе. В ряде его произведений («Акварельные краски», 1936; «По ту сторону радуги», «Рождение рассказа»; оба – 1954) благодаря красоте родной природы герои-творцы обретают вдохновение и внутреннее преображение.

Выводы

Проза Паустовского 1910-х гг. представляет интерес для исследователя не только как первые шаги писателя на литературном поприще. По справедливому определению Л.А. Левицкого, дебютный рассказ «На

воде» «как в зародыше содержит то, что развернулось в дальнейшем... творчестве» [6, с. 356] прозаика. Еще в большей степени эти слова применимы к рассказу «Четверо»: произведение отражает особенности формирующегося писательского мирозерцания, предвосхищает тематику и проблематику будущего творчества.

В юношеском рассказе писатель впервые обращается к усадебной теме и неразрывно связанной с ней теме природы; и дворянские усадьбы, и окружающие их живописные пейзажи становятся источником эстетического наслаждения, обретения душевного спокойствия и гармонии с миром.

Примечания

1. В 1917 г. автор покажет свои поэтические опыты Бунину, убедится в подражательности юношеской лирики и последует совету писать прозу.
2. Городище под Белой Церковью было типичной усадьбой мелкопоместного хозяина: два дома, хозяйственные постройки, сад, виноградник, участки с клубникой и малиной. Паустовский гостил в Городищах в детстве, последний раз посетил знакомые места в 1954 г., когда усадьбы уже не существовало (сохранилось родовое кладбище). Позже в Городищах были созданы школьный музей Паустовского, появились памятный знак и доска.

Библиографический список

1. *Андреева В.Г.* Рецепция «усадебного текста» русской классики в произведениях К.Г. Паустовского 1920–1950-х гг. // *MundoEslavo*. № 22(2023). С. 48–63.
2. *Андреева В.Г.* Связь категории «старость» и усадебных образов в рассказах К.Г. Паустовского 1930–1960-х гг. // *Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. науч. статей. Вып. 2 / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: МАКС-пресс, 2023. С. 72–83.*
3. *Ачкасова Л.С.* Раннее творчество К. Паустовского. 1916–1932 гг. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1960. 56 с.
4. *Богданова О.А.* Дворянская усадьба Серебряного века в пространстве ретроспективной утопии // *Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О.А. Богданова, А.Г. Гачева. М.: Индрик, 2016. С. 196–208.*
5. *Кузнецов Д.В.* Рёвны // *Дворянские усадьбы Брянского края: из истории культурного наследия Брянщины: в 2-х т. Т. 1 / гл. ред. А.В. Городков. Брянск: Буквица, 2018. С. 290–299.*
6. *Левицкий Л.А.* За десять лет // *Воспоминания о Константине Паустовском / сост. Л.А. Левицкий. М.: Советский писатель, 1983. С. 350–367.*
7. *Мантрова А.С.* Человек и природа в прозе К.Г. Паустовского 1910–1940-х годов: типология героя, специфика конфликта, проблема творческой эволюции: автореферат дис. ... канд. филол. наук. Тамбов, 2011. 24 с.
8. *Паустовский К.Г.* Далекие годы // *Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 4. С. 8–268.*
9. *Паустовский К.Г.* Зеленая стража // *Паустовский К.Г. Родина: рассказы, очерки и публицистика. М.: Современник, 1972. С. 206–209.*
10. *Паустовский К.Г.* Из стихов других циклов // *Паустовский К.Г. Повесть о жизни: в 2 т. Т. 1. М.: Совр. писатель, 1992. С. 590.*
11. *Паустовский К.Г.* Рассказы. Очерки. Статьи / сост. Л. Левицкий. М.: Худож. лит., 1972. 528 с.
12. *Паустовский К.Г.* Четверо // *Рыцарь. 1913. № 10–12. Октябрь — декабрь.*
13. *Паустовский К.Г.* Четверо // *Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986. Т. 6. С. 8–11.*
14. *Терехова Е.С.* Идеино-художественная функция пейзажа в ранней прозе К.Г. Паустовского // *Ученые записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. 2011. №2. С. 204–208.*
15. *Терехова Е.С.* Художественная эволюция К.Г. Паустовского: 1910–1920-е годы: автореферат дис. ... канд. филол. наук. М., 2012. 25 с.
16. *Федосеева М.С.* Усадебное наследие в осмыслении К.Г. Паустовского // *Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. науч. статей. Вып. 2 / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: МАКС-пресс, 2023. С. 57–71.*

References

1. *Andreeva V.G.* Reception of the “manor text” of the Russian classics in the works of K.G. Paustovsky of the 1920s–1950s. *MundoEslavo*. No. 22(2023), Pp. 48–63.
2. *Andreeva V.G.* The connection of the category “old age” and manor images in the stories of K.G. Paustovsky of the 1930s–1960s. Creative the legacy of Konstantin Paustovsky in the XXI century: Collection of scientific articles. Issue 2, ed. by M.V. Skorokhodov. M.: MAKS-press, 2023. pp. 72–83. Achkasova, L.S. Early creativity of K Paustovsky. 1916–1932. Kazan: Kazan Publishing House. unita, 1960. 56 p.
3. *Bogdanova O.A.* The noble estate of the Silver Age in the space of a retrospective utopia. Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism, ed. by O.A. Bogdanova, A.G. Gacheva. M.: IndrikPubl, 2016, Pp. 196–208.
4. *Kuznetsov D.V.* Revny. Noble estates of the Bryansk region: from the history of the cultural heritage of the Bryansk region: in 2 vol. Vol. 1, ed. by A.V. Gorodkov. Bryansk, Bukvitsa Publ., 2018, Pp. 290–299.
5. *Levitsky L.A.* In Ten Years. Memories of Konstantin Paustovsky, compiled by L.A. Levitsky. Moscow, Soviet Writer Publ, 1983, Pp. 350–367.
6. *Mantrova A.S.* Man and nature in K.G. Paustovsky’s prose of the 1910s–1940s: typology of the hero, specifics of the conflict, the problem of creative evolution: abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences. Tambov, 2011, 24 p.
7. *Paustovsky K.G.* Distant Years. In: Paustovsky K.G. Collected Works, in 9 volumes. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1981–1986, vol. 4, Pp. 8–268.
8. *Paustovsky K.G.* Green Guard. In: Paustovsky K.G. Rodina: Stories, Essays and Publicistica. Moscow, Sovremennik Publ., 1972, Pp. 206–209.
9. *Paustovsky K.G.* From poems of other cycles. In: Paustovsky K.G. Story of Life: in 2 volumes. Moscow, Modern Writer Publ., 1992.
10. *Paustovsky K.G.* Stories. Essays. Articles, compiled by L. Levitsky. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1972, 528 p.
11. *Paustovsky K.G.* Four. Knight. 1913. No. 10–12. October – December.
12. *Paustovsky K.G.* Four. In: Paustovsky K.G. Collected Works, in 9 volumes. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura Publ.,

1981–1986, vol. 6, Pp. 8–11.

13. *Terekhova E.S.* The ideological and artistic function of landscape in the early prose of K.G. Paustovsky. Scientific notes of ZabGU. Series: Philology, History, Oriental Studies. 2011. No.2. Pp. 204–208.

14. *Terekhova E.S.* The artistic evolution of K.G. Paustovsky: the 1910s–1920s, abstract of the dissertation of the candidate of Philological sciences. Moscow, 2012, 25 p.

15. *Fedoseeva M.S.* Manor heritage in the understanding of K.G. Paustovsky. Creative heritage of Konstantin Paustovsky in the XXI century: Collection of scientific articles. Issue 2, ed. by M.V. Skorokhodov. M.: MAKS-press Publ., 2023, Pp. 57–71.

УДК 821.161.1

DOI: 10.33979/1998-2720-2024-102-2-172-176

СКОРОХОДОВ МАКСИМ ВЛАДИМИРОВИЧ

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия
E-mail: msk2002@rambler.ru

SKOROKHODOV MAXIM VLADIMIROVICH

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
E-mail: E-mail: msk2002@rambler.ru

ТАРУССКАЯ ЖИЗНЬ КОНСТАНТИНА ПАУСТОВСКОГО: В ПОИСКАХ ГАРМОНИИ*

KONSTANTIN PAUSTOVSKY'S LIFE IN TARUS: IN SEARCH OF HARMONY

В статье характеризуются «дачные местности», в которых бывал К.Г. Паустовский. Это Дома творчества и дачи в подмосковных Голицине, Переделкине, Малеевке, в рязанской Солотче, на Рижском взморье и в Крыму. Особое внимание уделяется тарусскому периоду жизни и творчества прозаика. В Тарусе Паустовским созданы многие поздние произведения, включая книги с третьей по шестую «Повести о жизни». О любви Паустовского к Тарусе и восхищении местными пейзажами свидетельствуют его письма, значительная часть которых не опубликована. Фрагменты этих документов приводятся в статье. Прозаик действительно заботился о судьбе Тарусы – об этом свидетельствуют его письма, опубликованные в 1956 и 1965 гг. в газете «Правда». Публикация писем привлекла внимание властей к судьбе города и способствовала его развитию.

Ключевые слова: К.Г. Паустовский, Таруса, русская литература, дача, эпистолярное наследие, публицистика.

The article characterises the “dacha areas” where Konstantin G. Paustovsky. These are the houses of creativity and dachas in Golitsin, Peredelkin and Maleyevka near Moscow, in Solotcha near Ryazan, on the Riga seashore and in the Crimea. Special attention is paid to the Tarusa period of the prose writer’s life and work. In Tarusa, Paustovsky created many of his later works, including books three to six «Tales of Life». Paustovsky’s love for Tarusa and admiration for the local scenery are evidenced by his letters, a large part of which have not been published. Fragments of these documents are given in the article. The novelist effectively cared about the fate of Tarusa – this is evidenced by his letters published in 1956 and 1965 in the newspaper “Pravda”. The publication of the letters drew the attention of the authorities to the fate of the town and contributed to its development.

Keywords: Konstantin G. Paustovsky, Tarusa, Russian literature, dacha, epistolary heritage, publicism.

Введение

Почти полтора десятилетия жизни К.Г. Паустовского, с 1955 г. до самой смерти, связаны с калужской землей, с небольшим городом Таруса на берегу Оки, в котором писатель поселился со своей супругой Татьяной Алексеевной, приобретя половину дома. Это период напряженной творческой работы Паустовского. Пейзажи Тарусы и ее окрестностей, факты пребывания в провинциальном городке художников и писателей, проблемы его развития отразились как в публицистике и эпистолярном наследии, так и в художественных произведениях прозаика. Названными факторами обусловлена актуальность исследования. Его цель – показать значимость Тарусы как «дачного топоса» в творческой биографии Паустовского. В статье учитываются не только произведения и письма писателя, вошедшие в его девяти томное собрание сочинений и другие издания, но и не опубликованная переписка с современниками, хранящаяся в фондах московского Музея К.Г. Паустовского. Введение в научный оборот новых документов, а также комплексный анализ всех доступных источников определяют новизну работы. В тарусский период Паустовский часто обращался к воспоминаниям, работая над «Повестью о жизни», готовил к изданию

свои произведения. Внимание автора статьи к фактам биографии, к эго-документам обусловило методологическое исследование – в его основе биографический и культурно-исторический методы.

Изложение основного материала

В 1950–1960-е гг. дача становится все более распространенным местом, куда устремляются жители крупных городов. В числе самых известных «дачных местностей»¹, где наиболее часто обустроивались писатели, были в то время Переделкино и «Советский писатель» в Красной Пахре под Москвой, Келломяки (позже Комарово) под Ленинградом и Крым. Писатели жили как на собственных дачах, полученных от государства или построенных на собственные средства, так и на арендованных, включая размещавшиеся в дачных поселках Дома творчества. Паустовский получил дачу в Переделкине, однако прожил там недолго, при разводе оставив ее В.В. Навашиной (Навашиной-Паустовской). Однако Переделкино было для писателя значимой «дачной местностью» – здесь он жил в разные годы, в том числе в гостях у друзей, среди которых прежде всего надо отметить К.А. Федина, а также в Доме творчества. В мае 1968 г. Паустовского увезли в Кремлевскую боль-

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

ницу, в которой он скончался, именно из Переделкина. Как вспоминал Эм. Миндлин, прозаика и его супругу разместили в Переделкине в двух небольших комнатах, распахнутые окна которых «выходили на участок, густо заросший елями, соснами, – и было похоже: за окнами ветвится и зеленеет лес» [5, с. 464]. Близость к естественному природному ландшафту всегда благоприятно влияла на настроение и творческую активность Паустовского.

Остался в памяти прозаика и Дом творчества в подмосковном Голицине, где он периодически жил в 1930-е гг. – «маленький, о девяти крошечных комнатках домик (три внизу, шесть наверху). <...> Ни один из писателей в голицынском доме не работал так подолгу, как Паустовский» [5, с. 427]. Уютный, но скромный Дом творчества, принимавший советских писателей, – это бывшая дача драматурга и антрепренера А.Ф. Корша. Бывал Паустовский и в Доме творчества имени А. С. Серафимовича «Малеевка» – на бывшей «литературной даче» [1, с. 20] издателя журнала «Русская мысль» В. Лаврова. На этой даче, как вспоминает мемуарист, писатели первое время жили «небольшой писательской коммуной» [5, с. 431]. Жизнь, протекавшая здесь, была близка той, которая характерна для бывших усадеб, некоторые из которых на рубеже XIX–XX вв. были поделены на сдаваемые отдельным дачникам пространства. Малеевка «с ее лесистыми холмами, певчими лесными речушками в глубине заросших оврагов, с хрустальной ее тишиной и пахнущими сеном лугами» [5, с. 431] полюбилась Паустовскому. К тому же в расположенном неподалеку, в помещении сельской школы, пионерском лагере жил его сын Вадим. Много времени Паустовский провел в Доме творчества писателей в Ялте, а в Старом Крыму снимал с семьей отдельную дачу. Во второй половине 1950-х гг. прозаик бывал в Доме творчества писателей на Рижском взморье, в Дубултах. Тогда он жил в одном из двухэтажных особнячков – бывших дачах. Каждый домик имел свое особое наименование: «Белый», «Охотничий», «Шведский», «Дом у фонтана» и др. [Там же, с. 448]. Приведенные данные показывают, что жизнь в предназначенных для советских писателей Домах творчества, созданных на месте прежних дач, была прекрасно знакома Паустовскому и представлялась ему вполне благоприятной для работы, которую можно было совмещать с пребыванием на свежем воздухе и с общением с друзьями.

Однако для творческой биографии Паустовского наиболее важны два других «дачных топоса» – Солотча и Таруса. Это берега Оки, та средняя полоса России, которую писатель любил больше всего. Ей он восхищался, здесь плодотворно работал и отдыхал. К Солотче и Тарусе применима формула, предложенная Виктором Кривулиным в стихотворении «Памяти Шостаковича»: «и ходики устроены как дача / как дом уединенья и работы» [2, с. 51]. Загородная дачная жизнь, причем вне писательских поселков и Домов творчества, была важна для Паустовского как возможность уединения и сопряженной с ним активной творческой работы.

В Солотче под Рязанью в доме, построенном И.П. Пожалостинным, имевшим крестьянское происхождение художником-гравером, Паустовский обосновался в 1930-е гг. Здесь, на «литературной даче», отдыхали и работали А.П. Гайдар, Андрей Платонов,

А.И. Роскин, В. С. Гроссман, Р.И. Фраерман, Г.П. Шторм, С.А. Бондарин и др., здесь бывал К.М. Симонов. Писатели купили дом у дочерей Пожалостина и нередко проводили там время до глубокой осени.

Однако с середины 1940-х гг. у Паустовского все более острыми становятся проблемы со здоровьем. Его мучала, мешая не только работать, но и просто дышать, астма. Писатель испробовал различные климатические зоны и всевозможные стратегии лечения. Периодически наступало облегчение, однако потом изнурительная болезнь возвращалась. Хотя свободное дыхание восстанавливалось порой и в Солотче², именно Мещерская низменность, окруженная многочисленными болотами, являлась наиболее опасной для здоровья прозаика. Окрестности Солотчи Паустовский ценил именно за вызванную заболоченностью сравнительную малолюдность и обилие мест для рыбной ловли. Однако теперь по настоянию врачей от жизни в Мещере пришлось отказаться. Прозаик 17 февраля 1958 г. сообщил Л.Н. Делекторской, переводившей его произведение на французский язык, что врачи требуют от него жить «здесь», т. е. в Тарусе, или на юге, в тепле» [7, т. 9, с. 334]. И 15 марта 1958 г. — Л.Н. Рахманову: «...из-за астмы я прикреплен к Тарусе. Даже в Москву врачи меня не очень пускают» [7, т. 9, с. 336].

Новым местом жительства Паустовского стал город, расположенный значительно выше Солотчи по течению Оки и, главное, не в болотистой местности, а на высоком речном берегу. «Татьяна Алексеевна со свойственной ей решительностью купила крошечный домик на берегу Оки в живописном городишке Таруса. Вы приедете туда летом, и я Вас выучу ловить рыбу» [7, т. 9, с. 307], – с оптимизмом сообщил Паустовский М.Л. Слонимскому 13 апреля 1955 г. из Москвы. Если в солотчинской усадьбе Пожалостина прозаик пытался совмещать общение с друзьями и работу, то в годы, проведенные в Тарусе, он больше ценил возможность отключиться от внешних факторов и сконцентрироваться на литературной деятельности. Он любил работать по утрам в расположенной на краю сада беседке. Однако он никогда не отказывал себе в удовольствии общения с друзьями – об этом свидетельствует переписка прозаика.

Паустовского восхищали, как в свое время художника В.Д. Поленова, выбравшего себя для жизни и мастерской расположенное на несколько километров ниже по течению Оки Бёхово, а вслед за ним и других деятелей искусства, местные пейзажи. Паустовский сравнил места под Тарусой с видами, которыми не одно столетие восторгаются величайшие живописцы, – с Неаполитанским заливом: «Всю нарядность Неаполитанского залива с его пиршеством красок я отдам за мокрый от дождя ивовый куст на песчаном берегу Оки или за извилистую речонку Таруску...» [7, т. 1, с. 48].

Таруса притягивала прозаика не только уединенностью и прекрасными пейзажами, но и своими жителями, имевшими прямое отношение к литературному и художественному творчеству. С Тарусой связаны творческие биографии М.И. Цветаевой, Б.А. Ахмадулиной, В.Д. Поленова, Н.П. Крымова, В.Э. Борисова-Мусатова, Кукрыниксов и многих других писателей и художников. Жизнь этого города неотделима от Оки; «все его улицы выходят или к реке с ее плавными и торжественными поворотами, или в поля» [7, т. 7, с. 199], – писал

К.Г. Паустовский в очерке «Городок на реке». В Тарусе он работал «в кабинете с окном, распахнутым в сад», в котором было «много света и воздуха. <...> Он любил маленькую цветаевскую Тарусу. И Таруса любила его» [5, с. 467].

Понять особенности дачной жизни Паустовского, его творческие поиски тарусского периода помогает переписка писателя, опубликованная далеко не полностью. Значительная часть документов безвозмездно передана в 2016–2022 гг. в московский Музей К.Г. Паустовского Г.А. Арбузовой – падчерицей и наследницей прозаика, которая в летнее время по-прежнему живет в Тарусе. Эти документы еще не изучены и не введены в научный оборот. Объемный перечень адресатов Паустовского с разбивкой писем по годам написания, который постепенно расширяется, опубликован главным хранителем музея И.С. Пахомовой в 2022 г. [9]. Среди корреспондентов Паустовского второй половины 1950-х – 1960-х гг. – В.Е. Ардов, В.П. Астафьев, А.Д. Дементьев, В.А. Каверин, Эм. Г. Казакевич, Ю.П. Казаков, Э.Б. Межелайтис, Ю.К. Олеша, К.М. Симонов, М.Л. Слонимский, А.И. Солженицын, А.Т. Твардовский, Р.И. Фраерман, К.И. Чуковский, М.С. Шагинян, В. Б. Шкловский, И.Г. Эренбург и многие другие писатели и деятели культуры. В значительном числе писем упоминаются Таруса и связанные с этим городом события.

Еще только привыкая к новому месту жительства, Паустовский уже писал о нем с явным уважением и со знанием наиболее красивых мест: «В Тарусе очень хорошо. Окрестности сказочные, Недаром Таруса – приют художников» [7, т. 9, с. 309] (из письма от 3 июня 1955 г. Н.И. Замошкину из Тарусы).

Письмо, отправленное ровно через два месяца писателю, критику и публицисту Ю.К. Смоличу, свидетельствует о том, что Паустовский уже осведомлен о значимости окрестностей Тарусы для строительных работ в столице России: «...Таруса стоит на горах (из белого камня) и Белокаменная Москва и Кремль построены целиком из тарусского камня». Здесь же он общается об обилии на его даче цветов и о планах сажать деревья (осенью) и, конечно же, приглашает в Тарусу-на-Оке. Но – главное – пишет о работе («понемногу начал работать») [7, т. 9, с. 311] на новом и уже освоенном месте, причем над своим центральным произведением последних десятилетий – над «Повестью о жизни», над третьей ее частью. А еще через пять месяцев, 5 января 1956 г., в письме сыну Алексею Паустовский с надеждой мечтает о возвращении из Карловых Вар: «...жду не дождусь, когда мы вернемся в Тарусу» [7, т. 9, с. 315].

О месте жительства Паустовского прекрасно знали все обитатели Тарусы. В Музее К.Г. Паустовского хранятся письма, на конвертах которых написано: Таруса. Дача К.Г. Паустовского. Причем прозаик и не сообщал своим корреспондентам точное месторасположение своего дома – см., например, письмо Паустовского Л.Н. Делекторской от 3 июля 1963 г.: «Адрес: Таруса, Калужской области, мне. Более подробного адреса не нужно, так как все тарусские мальчишки знают, где я живу»³.

В 1960-е гг. после длительного лечения в московских больницах, в том числе в связи с инфарктами, Паустовский отправлялся на Оку с особой радостью

и с надеждой на возможность активной работы после окончательного восстановления. Так, 9 сентября 1960 г. он сообщал из «Тарусы на Оке» Л.Н. Делекторской: «... был сильно болен и только на днях врачи разрешили мне ходить, читать и писать. И я тотчас же уехал из Москвы в Тарусу, – в глушь, тишину и одиночество» [7, т. 9, с. 386]. При благоприятном стечении обстоятельств Москва становилась лишь транзитным городом на пути из одного места, сравнительно благоприятного для снижения страданий от астмы, – из Крыма, в другой – в Тарусу. Подтверждением этого служат письма. Так, 10 апреля 1962 г. Паустовский информировал Н.П. Раздорову из Ялты: «На днях возвращаюсь в Москву, а оттуда – в Тарусу» [7, т. 9, с. 410].

Паустовский непременно звал в Тарусу своих друзей и знакомых, порой делая это весьма аккуратно, как, например, в письме к М.А. Келлерману из Тарусы от 6 сентября 1961 г.: «Я не хочу затруднять Вас поездкой в Тарусу (если Вы вообще не хотите денек отдохнуть на вольном свежем воздухе). Тогда приезжайте»⁴.

В Тарусе у Паустовского, кроме писателей (среди них не оказалось Б.Л. Пастернака, которого Паустовский приглашал на Оку зимовать), был популярный фотохудожник Филипп Халсман, именно там сделавший наиболее известный в настоящее время снимок прозаика, в котором схвачен характер и настроение героя.

Очень быстро Паустовский становится не только знаменитым жителем, но и заступником Тарусы, рассматривавшим ее как один из небольших, но имеющих значительный культурный и рекреационный потенциал малых городов России. Оценив самые острые проблемы города, Паустовский 26 июня 1956 г. опубликовал в газете «Правда» «Письмо из Тарусы», которое не только получило достаточно широкую известность, но и – что значительно важнее – принесло ощутимые результаты. Паустовский считал необходимым пересмотреть сложившееся в давние времена и не везде еще преодоленное пренебрежительное отношение к «маленьким городам» как к захолустным, как к «медвежьим углам». Отметив в письме, что в этих многочисленных городах, часть из которых стали районными центрами, имеются «скрытые возможности как для своего благосостояния, так и для того, чтобы внести свой вклад в общегосударственную жизнь», Паустовский переходит к рассказу о Тарусе, сразу же отметив ее необычность и уникальность: «Пожалуй, нигде поблизости от Москвы нет мест, таких типично и трогательно русских по своему пейзажу» [6]⁵. Таруса характеризуется прозаиком не только как город художников, но и как центр, вокруг которого расположено 19 колхозов, большая часть которых не электрифицирована, что, по справедливому мнению Паустовского, тормозит развитие сельского хозяйства, как тормозит его и нехватка техники, необходимой для производства овощей. В качестве одной из наиболее острых Паустовский выделяет проблему дорог, которые чрезвычайно плохи, причем отсутствует прямое сообщение между Тарусой и Калугой, областным центром. Прозаик высказывает немало предложений по развитию логистики, электрификации, созданию природного заповедника, напрямую обращается к Министерству здравоохранения РСФСР с идеей открыть под Тарусой детский санаторий и организовать семейный отдых. Паустовский характеризует и ряд других проблем, в том

числе отсутствие водопровода, нехватку помещений для учебы школьников, нарушение природоохранного законодательства, наличие каменоломен (карьеров) в городе и его окрестностях, сведение лесов и проч.

В «Письме из Тарусы» содержатся предложения по развитию города, который сделался «своего рода творческой лабораторией и приютом для людей искусства и науки» и связующим центром для расположенных в его окрестностях колхозов. Ставится значимая цель развития: «Превращение Тарусы в город органического слияния передового сельского хозяйства с городом отдыха, превращение района Тарусы в заповедник исключительного по своей живописной силе русского ландшафта – все это осуществить легко. Было бы только желание» [6].

Спустя девять лет в новом письме, вновь напечатанном в «Правде», Паустовский назовет этот свой первый материал «слезницей», «слезным завыванием» «русского городка на свою неприятную судьбу». Начало нового письма лирическое, оно обращено не к чиновникам, а к широкому кругу читателей. Это гимн России, созданный писателем, который несмотря на ухудшающееся здоровье продолжает активно работать и заботиться о благе тарусян. «Широко легла неизмеримая страна – Россия, ее глубокие до синевы пространства, ее вольный воздух, теплый от запаха клевера и старой соломы, ее дубовые леса и одинокие осокори, ее легко задумавшиеся реки». По словам Паустовского, было много скептиков, полагавших, что после его письма в «Правду» проблемы Тарусы не привлекут внимание властей. Однако все сложилось по-иному – вопрос о благоустройстве одной «из Золушек среди наших городков» обсуждался в Совете министров РСФСР. О результатах проделанной работы и пишет в 1965 г. Паустовский, констатируя, что у Тарусы теперь два новых лица – «города художников и города отдыха» [8]. Прозаик особо отмечает новые книги, раскрывающие богатую историю Тарусы, и художественную галерею, возникшую благодаря дарам местных жителей. Назвав оставшиеся проблемы и отметив возможные пути их решения, Паустовский переходит к мыслям о судьбе маленьких городков, как бы закольцовывая композицию из двух писем.

Второе письмо Паустовского тоже не осталось без внимания. Меньше чем через два месяца в «Правде» был опубликован «обзор писем читателей» Л. Кудреватых с тем же названием, что и материал прозаика – «Судьба маленького города» [3]. В обзоре упоминаются письма старых большевиков – бывших руководителей

Тарусского укома КПСС, и приехавшего в Тарусу на время отпуска москвича, который вслед за Паустовским восхищается красотой города, а также других лиц. Все они едины в поддержке идеи Паустовского о сохранении и использовании для отдыха малых исторических городов страны.

Письма в «Правду» свидетельствуют о трогательной любви и действенной заботе Паустовского о Тарусе. Работая над концепцией и составом альманаха «Тарусские страницы», тематика, проблематика и авторский состав которого преодолели региональные границы, Паустовский привлек к подготовке сборника тарусских дачников – Бориса Балтера, Аркадия Штенберга, Николая Отгена (подробнее см.: [4; 10]), формируя «дачный топос» Тарусы. «Тарусские страницы» соединили прославленных и молодых талантливых авторов, некоторым из которых было непросто опубликоваться в ту пору. В Тарусе Паустовский работал над многими произведениями, включая части с третьей по шестую «Повести о жизни», однако городок нечасто упоминается в его художественных произведениях.

Таруса, что «лежит где-то на краю калужской земли» [7, т. 7, с. 202], и ее замечательные жители – герои очерка «Городок на Оке» (1961). В рассказе «Амфора», датированном тем же годом, цитируются строки Н.А. Заболоцкого – «прекрасного и горестного поэта, умершего два года назад» и сообщается о недавних встречах с ним в его «провинциальном тарусском домике с бегонией на подоконнике» [7, т. 6, с. 572].

Выводы

Проведенный в статье комплексный анализ опубликованных и неопубликованных писем и публицистики Паустовского показывает, что Таруса стала для прозаика одним из наиболее значимых мест, его творческой лабораторией. Любовь к городу была действенной – Паустовский не только восхищался красотой того места, где жил и работал, но и всеми доступными ему средствами стремился сохранить уникальность города, привлечь к его проблемам представителей власти разных уровней. И его энергия принесла значимые для развития города результаты. Писатель ценил Тарусу как место единения и работы, при этом не отказывая себе в желании пригласить на свою дачу близких и коллег. Сейчас Таруса во многом известна благодаря Паустовскому, жившему и похороненному в этом небольшом прекрасном городе.

Примечания

1. Этот термин утвердился еще в XIX в., см., напр.: [11].
2. См., напр., в письме Паустовского В.В. Навашиной из Солотчи от 26 июня 1947 г.: «Астма меня совсем оставила» [7, т. 9, с. 256].
3. Паустовский К.Г. – Делекторской Л.Н. Машинопись. Московский литературный музей-центр К.Г. Паустовского (далее – МЛМЦ КП) КП-3275/51. Л. 2.
4. Паустовский К.Г. – Келлерману М.А. 6 сентября 1961 г. Рукопись. МЛМЦ КП КП-31994/76-1. Л. 1.
5. Текст, опубликованный в девятитомном собрании сочинений Паустовского, существенно отличается от газетного варианта, хотя в комментариях и указано, что очерк впервые напечатан в «Правде».

Библиографический список

1. Богданова О.А. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 3. С. 10–29.
2. Кривулин В.Б. Стихи. Париж: Ритм, 1981. 62 с.
3. Кудреватых Л. Судьба маленького города (Обзор писем читателей) // *Правда*. 1965. 7 сентября. С. 4.
4. Кузнецова О.Н. «Тарусские страницы» в истории советской публицистики // *Национальная Ассоциация Ученых*. 2020. № 54-3. С. 15–18.

5. Миндлин Эм. Необыкновенные собеседники. Литературные воспоминания. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Советский писатель, 1979. 560 с.
6. Паустовский К.Г. Письмо из Тарусы // Правда. 1956 26 июня. № 178. С. 2.
7. Паустовский К.Г. Собр. соч.: в 9 т. М.: Худож. лит., 1981–1986.
8. Паустовский К.Г. Судьба маленького города. Письмо из Тарусы // Правда. 1965. 16 июля. № 197. С. 4 (рубрика «Культура. Мораль. Быт»).
9. Пахомова И.С. Письма писателей в собрании Музея К.Г. Паустовского: из новых поступлений // Творческое наследие Константина Паустовского в XXI веке: сб. научных статей. Вып. 2 / отв. ред. М.В. Скороходов. М.: Макс пресс, 2023. С. 176–204.
10. Самостьян Т.Ю. Создание «Тарусских страниц»: цензура, писатель, память // Русское слово в многоязычном мире. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. СПб.: Международное некоммерческое партнерство преподавателей русского языка и литературы МАПРЯЛ, 2019. С. 1933–1938.
11. Симанский В.К. Петербургские дачные местности в отношении их здоровья. СПб.: В.К. Симанский, 1881. 56 с.

References

1. Bogdanova O.A. Formation of Research Thesaurus in the Study of the Phenomenon of Dacha in Russian Literature of XIX–XXI Centuries. *Studia Litterarum*, 2022. т. 7, No.3, Pp. 10–29.
2. Krivulin V.B. Poems. Paris: Rhythm Publ., 1981, 62 p.
3. Kudrevatykh L. The Fate of a Small Town (Review of Readers' Letters). *Pravda*. 1965, September, 7, Pp. 4.
4. Kuznetsova O.N. "Tarus Pages" in the History of Soviet Journalism. *National Association of Scientists*, 2020, No. 54-3, Pp. 15–18.
5. Mindlin Em. Extraordinary interlocutors. *Literary Memoirs*. Edition 2nd. Moscow, Soviet Writer Publ., 1979, 560 p.
6. Paustovsky K.G. Letter from Tarusa. *Pravda*. 1956, June, 26, No. 178, p. 2.
7. Paustovsky K.G. Collected Works, in 9 volumes. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1981–1986.
8. Paustovsky K.G. The Fate of a Small Town. Letter from Tarusa. *Pravda*, 1965, July, 16, No. 197, p. 4 (rubric "Culture. Morality. Life").
9. Pakhomova Irina S. Writers' Letters in the Collection of the K.G. Paustovsky Museum: from New Acquisitions. *Creative Heritage of Konstantin Paustovsky in the XXI Century: Collection of Scientific Articles*. Vol. 2, ex. ed. Maxim V. Skorokhodov. Moscow, MAX Press LLC Publ., 2023, Pp. 176–204.
10. Samoyan T.Yu. Creation of "Tarus Pages": Censorship, Writer, Memory. *Russian Word in a Multilingual World*. Materials of the XIV Congress of IAPRYAL. St. Petersburg: International non-profit Partnership of Teachers of Russian Language and Literature IAPRYAL, 2019, Pp. 1933–1938.
11. Simanskiy V.K. St. Petersburg Dacha Areas in Relation to their Healthiness. St. Petersburg: V.K. Simanskiy Publ., 1881, 56 p.

МИХАЛЕНКО НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА

кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, Россия

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

MIKHALENKO NATALIA VLADIMIROVNA

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: rinsan-tin@rambler.ru

«СТАНЦИЯ АХМАТОВКА» – МЕСТО ТВОРЧЕСКОГО ПРИТЯЖЕНИЯ*

“AKHMATOVKA STATION” IS A PLACE OF CREATIVE ATTRACTION

В статье писательская дача рассматривается как пример идеального топоса творчества, где на основе рефлексии тех или иных событий создаются новые литературные произведения, происходит общение с коллегами по литературному цеху. А сама дача, окружающая местность, становится частью не столько реального, сколько художественного пространства. В статье анализируется, как топос ахматовской «будки» был воспринят ее учениками по поэтическому мастерству – И.А. Бродским, А.Г. Найманом, Д.В. Бобышевым. На материале воспоминаний Н.Н. Глен, А.М. Володина и др. отмечаются основы взаимоотношений с поэтессой. Делаются выводы об онтологических и аксиологических основах творчества, воспринятых «волшебным хором» Ахматовой.

Ключевые слова: А.А. Ахматова, И.А. Бродский, А.Г. Найман, Д.В. Бобышев, писательский поселок в Комарово, дачный топос.

In the article, the writer's cottage is considered as an example of an ideal topos of creativity, where new literary works are created based on the reflection of certain events, and communication with colleagues in the literary workshop takes place. And the cottage itself, the surrounding area, becomes part not so much of the real as of the artistic space. The article analyzes how the topos of Akhmatova's "booth" was perceived by her students in poetry – I.A. Brodsky, A.G. Naiman, D.V. Bobyshev. Based on the material of the memoirs of N.N. Glen, A.M. Volodin and others, the foundations of the relationship with the poetess are noted. Conclusion is drawn about the ontological and axiological foundations of creativity, perceived by Akhmatova's "magic choir".

Keywords: A.A. Akhmatova, I.A. Brodsky, A.G. Naiman, D.V. Bobyshev, writer's village in Komarovo, dacha topos.

Введение

Целью статьи является рассмотрение на основе биографического и компаративного методов исследования свидетельств современников, связанных с творческим общением с А.А. Ахматовой на даче в Комарово, делаются выводы об аксиологии и онтологии творчества поэтессы, ее картине мира, которые оказали влияние на мировоззрение ее учеников (И.А. Бродского, А.Г. Наймана, Д.В. Бобышева). Особый акцент сделан на малоисследованной проблеме изучения дачного топоса и его влияния на поэтическую лабораторию автора и его последователей, что определяет актуальность данной работы. Новизна исследования обусловлена комплексным анализом свидетельств современников об особенностях творческого и дружеского обмена мнениями, происходившего на природе, в дачном доме, которые тем или иным образом становились контекстом общения, акцентировали определенный круг обсуждавшихся тем, связанных как с проблемами писательского мастерства, влияния жизненных обстоятельств на текст, так и с житейскими вопросами.

Изложение основного материала

Топос дачи Ахматовой в Комарово вобрал в себя

эклектичные черты, связанные с приобщением к литературной традиции в непринужденной атмосфере разговора на фоне природы Финского залива в маленькой неустроенной «будке», как ласково называла свой дом поэтесса.

Жизнь на даче в Комарово, общение с писателями и поэтами, литературное «наставничество» стали своеобразным продолжением усадебной традиции. В гостях у Ахматовой здесь бывали Д.С. Лихачев, С.С. Прокофьев, Ф.Г. Раневская, Б.А. Ахмадулина и многие другие. На даче собирались молодые поэты («волшебный хор» – Е.Б. Рейн, Д.В. Бобышев, А.Г. Найман, И.А. Бродский), которые приносили свои стихи, участвовали в разговорах о поэзии.

О значимости Комарово говорила сама Ахматова, вспоминая, что местные дачи приснились ей за несколько лет до основания поселка: «Эти зеленые домики с застекленными террасами (в одном из них я живу) непрерывно стояли перед моими закрытыми глазами в 1951 году в Пятой Советской больнице (Москва), когда я лежала после инфаркта и, вероятно, под действием пантопона. Дома эти тогда еще не существовали – их построили в 1955 году, но, когда я их увидела, я тотчас припомнила, где видела их раньше. Оттого я написала

* Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

в “Эпилоге”: “Живу, как в чужом мне приснившемся доме, / Где, может быть, я умерла...” [1, т. 5, с. 162]. Вероятно, это стало своеобразным началом мистификации и мифологизации этого места, где в самой скудной обстановке происходило общение со многими писателями и деятелями искусства. «Будка» стала местом не только творчества, но и поклонения для многих ценителей творчества поэтессы. Неслучайно в воспоминаниях ее современников часто говорится о том, как многие почитатели ее таланта, корреспонденты, иностранцы приезжали сюда без каких-либо договоренностей, точно не зная, смогут ли увидеть Ахматову, но надеясь на встречу.

Пространство Комарово в стихах Ахматовой мифологически расширялось. Для автора была очень важна память места, его история, связанная со временем, когда эта территория (Келломяки) принадлежала Финляндии:

Живу, как вчужом, мне приснившемся доме,
Где, может быть, я умерла,
И, кажется, тайно глядится Суоми
В пустые свои зеркала.

Иду между черных приземистых елок.
Там вереск на ветер похож... [1, т. 2, с. 183]

В стихотворении «При непосылке поэмы» (1963) комаровские деревья напоминают героине библейские ливанские кедровые:

Приморские порывы ветра
И дом, в котором не живем,
И тень заветнейшего кедрового
Перед запретнейшим окном... [1, т. 2, с. 187]

Характерно, что возмущение Ахматовой вызвала строка стихотворения «Лес заснул. И, как во сне...» М.А. Дудина, где говорилось, что «у медных сосен медный звон» [8, с. 126]. Ахматова удивлялась: «Это неправда, посмотрите – какие же они медные. Я их хорошо знаю, я их всегда в Будке слушаю <...> Ну – разговаривают, шепчутся, спорят, стонут – что угодно. Но откуда медный звон? Где он его слышал?» [7, с. 632] В стихотворении «Сосны» (1961) именно деревья, по ее представлению, создают ощущение дома в комаровской «будке»:

Не здороваются, не рады!
А всю зиму стояли тут,
Охраняли снежные клады,
Вьюг подслушивали рулады,
Создавая смертный уют [1, т. 2, с. 104].

Неслучайно, именно «лесная коряга» становится «духом, хранителем “места сего”» [1, т. 2, кн. 2, с. 119]. Аскетичный быт в «будке» контрастировал со «смертным уютом», богатством природы, сосновым лесом, берегом Финского залива. Как отмечала Ю.В. Шевчук, «загородное пространство в произведениях Ахматовой воздушно, полно обновляющей силы для лирической героини» [10, с. 108].

Для Ахматовой было характерно представление о связи событий, происходивших в одном месте, но в раз-

ное время. Как отмечал Найман, она «видела одну и ту же пьесу, идущую в разных декорациях» [9, с. 6]. Он отмечал, что ее картина мира основывалась на представлении о повторяемости событий, их глубокой внутренней взаимосвязи, цикличности жизни: она «притягивала к себе самые невероятные совпадения, самых неожиданных двойников» [9, с. 6]. Соломон Волков писал о способности Ахматовой «перекинуть мгновенный, но прочный мостик» между различными эпизодами ее жизни, когда она сравнила весну в Комарово 1965 г. и майский снег в 1916 г.: «Мы с Ахматовой вышли на крыльцо. И тут природа <...> решила доказать, что последнее слово всегда останется за ней: над покрытым свежим белым снегом Комаровом взойшла фантастическая, ослепительно яркая радуга. Любуясь этой радугой, Ахматова заметила своим грудным, гипнотически значительным и внятнм голосом: “Такая же погода была, помнится, в мае 1916 года”» [5].

Она умела не только связывать различные жизненные события, видеть внутреннюю логику и символику случившегося, но и приобщала людей, находившихся рядом, к своей творческой философии, взгляду на мир. Многие литераторы, приезжавшие в Комарово, отмечали, что они получали намного больше, чем просто оценку своих произведений. Вовлекая их в свободную беседу, общение, Ахматова делилась с ними своим представлением о мире, пониманием истории и философии литературы, на которых основывалась ее поэтическая лаборатория. Топос дачного поселка сообщал таким беседам непринужденность, спокойствие, давал возможность без суеты обсудить среди природы важные вопросы.

Молодые поэты – Бродский, Рейн, Бобышев, собиравшиеся в Комарово, приходили к Ахматовой, как говорил Бродский, «потому что она наши души приводила в движение, потому что в ее присутствии ты как бы отказывался от себя, от того душевного, духовного – да не знаю уж как это там называется – уровня, на котором находился, – от “языка”, которым ты говорил с действительностью, в пользу “языка”, которым пользовалась она» [6, с. 256]. Общение с Ахматовой было душевным камертоном, организующим началом для начинающих писателей: «На всех нас, как некий душевный загар, что ли, лежит отсвет этого сердца, этого ума, этой нравственной силы и этой необычайной щедрости, от нее исходивших» [Там же].

Квинтэссенция того значения, которое имел дачный обмен мнениями, выражена в одном из воспоминаний Анатолия Наймана. Разговор о сущности поэзии происходил в тесном соприкосновении с природой, из-за чего возник образ первозданного слова, которое невозможно выразить человеческим языком. Он отмечал особое очарование теплой ночи, ощущение, что в свете свечей сосны казались стоящими у самого открытого окна: «Неожиданно для себя – и с неожиданным волнением – я сказал: “Где-то есть стихи такие прекрасные, что все, что написано здесь, на земле, – Анна Андреевна, простите меня, и ваши тоже, – в сравнении с ними страшная грубость, неблагозвучие, косноязычие. Единственное земное слово, в них возможное, хотя и самое уродливое, это “прекрасный”...» [9, с. 29]. Интересно, что поэтесса поддержала этот образ идеального слова, которого невозможно достичь: «Внезапно Ахматова очень серьезно

произнесла: «Нет, он дело говорит»» [Там же].

В воспоминаниях о времени, проведенном с ней в Комарово, писатели отмечали простоту быта, неустраиваемость жизни поэтессы, которые, казалось, не мешали ее работе, не оказывали на ее влияние.

Найман писал: «Я застал ее в сравнительно благополучные годы. Литфонд выделил ей дачу в Комарове, дощатый домик, который она скорее добродушно, чем осуждающе, называла Будкой, как хатку под Одессой, где она родилась. Его и сейчас можно видеть, один из четырех на мысочке между улицами Осипенко и Озерной. Один угол топчана, на котором она спала, был без ножки, туда подкладывались кирпичи» [9, с. 7–8].

Корреспондент гамбургской газеты В. Бонгард вспоминал: «Ахматова встретила нас в высоком кресле у маленького письменного стола, стоявшего под прямым углом к окну – единственному, освещающему крестьянского вида комнату. Кровать, сделанная из грубого дерева, – у одной стены. У другой – другая, покрытая разноцветным шерстяным одеялом. Несколько книжных полок в углу, не совсем заполненных книгами; на маленьком столике старый радиоприемник и патефон» [4].

Ахматова обладала редким умением увидеть забавную сторону какой-либо ситуации или вещи, что, вероятно, поддерживало и ее саму, и людей, бывших рядом с ней. Бродский называл это «сюрреалистическим ощущением»: «Помню, на даче в Комарове у нее стояла горка с фарфоровой посудой. В разговоре нашем возникла какая-то пауза, и я, поскольку мне уже нечего было хвалить в этом месте, сказал: “Какой замечательный шкаф”. Ахматова отвечает: “Да какой это шкаф! Это гроб, поставленный на попа”» [6, с. 235]. С юмором она оценивала дачный быт, иронизировала над умением архитектора спроектировать в дачном доме только одну жилую комнату: все остальное пространство занимали кухня, веранда, коридоры, второе крыльцо [9, с. 7–8].

Бродский говорил, что молодые поэты учились у Ахматовой нравственной чистоте, всепрощению, своеобразному варианту собранности: «...в моем сознании всплывает одна строчка из того самого “Шиповника”»: “Ты не знаешь, что тебе простили...”. Она, эта строчка, не столько вырывается из, сколько отрывается от контекста, потому что это сказано именно голосом души – ибо прощающий всегда больше самой обиды и того, кто обиду причиняет. Ибо строка эта, адресованная человеку, на самом деле адресована всему миру, она – ответ души на существование. Примерно этому – а не навыкам стихосложения – мы у нее и учились» [6, с. 256].

Бобышев писал не только о своеобразном обучении у Ахматовой, содержательных беседах «о самом главном», то есть о литературе, о поэзии, о прошлом и настоящем», но и свободном обмене мнениями. Он считал, что Ахматова «проверяла на наш молодой вкус свою работу над большим стилем, над крупными формами». Он вспоминал, как она ему – единственному слушателю – однажды прочитала всю «Поэму без героя»: «Ей было важно узнать, как воспринимается на свежий слух последняя, самая полная версия поэмы. Впечатление было сильнее, как от настенной фрески “Страшного суда”, – по-моему, именно эти слова я пробормотал ей, когда она закончила чтение» [3].

О похожем ощущении причастности к чему-то большему, к уникальному феномену творчества говорится и в воспоминаниях Бродского. Он писал, что, побывав на даче у Ахматовой три-четыре раза с Е. Рейном и А. Найманом, сначала не осознавал, с кем имеет дело, но, однажды возвращаясь от Ахматовой в набитой битком электричке, «вспомнил то ли ее фразу, то ли поворот головы – и вдруг все стало на свои места» [6, с. 224]. После этого переломного момента он часто бывал в гостях у Ахматовой, снимал дачу в Комарово в одну из зим: «Тогда мы с ней виделись буквально каждый день. Дело было вовсе не в литературе, а в чисто человеческой и – смею сказать – обоюдной привязанности» [6, с. 224–225].

Общение на даче в Комарово как бы возрождало традиции усадебной культуры. Туда приезжала «масса народу», «устраивались большие обеды», во время которых происходил обмен суждениями. А.М. Володин вспоминал о своей растерянности во время такого дружеского обеда и о том, как Ахматова была внимательна к нему, позаботилась о его комфорте: «...она сидела, царственная, во главе стола. Каждый говорил что-нибудь коротко, остроумно и громко, так как она уже плоховато слышала. Все ближе и ближе подходила и моя очередь, я лихорадочно соображаю: что я скажу, что я скажу? Растерялся я жутко и пробормотал то, что шептал соседу, какой-то бред, и... замолк. Кто-то бросил: “Да, разговорчивый гость у нас сегодня попался”. А Ахматова: “Что вы, он весь вечер разговаривал, только про себя”» [2].

По воспоминаниям Бродского, в Комарово многие приезжали к ней именно за утешением и советом, «особенно дамы», для которых было уже достаточной поддержкой кому-то изложить свои проблемы [6, с. 238].

По его мнению, Ахматова обладала редкой пронизательностью, пониманием другого, честностью. Тонким психологизмом проникнуты ее слова о поэтическом вкусе Бродского, о том, что ему непросто было найти «свои» стихи: «И Ахматова вдруг говорит: “Вообще, Иосиф, я не понимаю, что происходит; вам же не могут нравиться мои стихи”. Я, конечно, взвился, заверещал, что ровно наоборот. Но до известной степени, задним числом, она была права. <...> “Сероглазый король” был решительно не для меня, как и “перчатка с левой руки” – все эти дела не представлялись мне такими уж большими поэтическими достижениями. Я думал так, пока не наткнулся на другие ее стихи, более поздние» [6, с. 225].

Выводы

Комарово стало точкой притяжения литераторов, журналистов, равнодушных читателей, которым важно было увидеться с Ахматовой, пообщаться, даже не будучи с ней знакомыми. Образ дачи-«будки» в воспоминаниях о поэтессе тесно связан с аксиологическими основами усадебной культуры XIX в., где творчество, обсуждение произведений происходит в тесном соприкосновении с природой, с простым бытом. По свидетельствам современников можно судить о сути писательской школы Ахматовой, о том осмыслении жизни и творчества, которым она делилась с «волшебным хором» своих учеников.

Библиографический список

1. *Ахматова А.А.* Собр. соч.: в 6 т.; сост., подгот. текста, коммент., ст. Н.В. Королевой. М.: Эллис Лак, 1998–2005.
2. Беседа с А. Володиным «На шарике тесненьком столпились мы...» // Октябрь. 1999. № 1. С. 93–100.
3. *Бобышев Д.В.* К 125-летию со дня рождения Анны Ахматовой // <https://dbobyshev.wordpress.com/oko-ahmatovoj/> Дата обращения: 29.03.2024.
4. *Бонгард В.* «Все дома здесь шатаются» (Встреча с Анной Ахматовой в Комарово) // Новое русское слово. Нью-Йорк. 1965. 28 февраля.
5. *Волков С.М.* Визит к старой даме // Независимая газета. 2000, 18 мая.
6. *Волков С.М.* Диалоги с Иосифом Бродским / вст. ст. Я. Гордина. М.: Независимая газета, 2000. 328 с.
7. *Глен Н.Н.* Вокруг старых записей // Воспоминания об Анне Ахматовой / сост. В.Я. Виленкин и В.А. Черных; комм. А.В. Курт и К.М. Поливанова. М., 1991. С. 627–639.
8. *Дудин М.А.* До востребования. Л.: Лениздат, 1963. 259 с.
9. *Найман А.Г.* Рассказы о Анне Ахматовой: из книги «Конец первой половины XX века» / сост. раздела «Приложения» А. Г. Наймана. М.: Худож. лит., 1989. 302 с.
10. *Шевчук Ю.В.* «Самонаблюдение» в пространстве: русская усадьба в лирике Анны Ахматовой 1910-х гг. // Усадьба реальная – усадьба литературная: векторы творческого преобразования: Коллективная монография / ред. О.А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 106–117.

References

1. *Akhmatova A.A.* Collected Works: in 6 volumes; compilation, text preparation, comments, article by N.V. Koroleva. Moscow: Ellis Luck, 1998–2005.
  2. A conversation with A. Volodin “We crowded together on a small ball...”. Oktjabr’ (October), No. 1, 1999, Pp. 93–100.
  3. *Bobyshev D.V.* To the 125th anniversary of the birth of Anna Akhmatova. <https://dbobyshev.wordpress.com/oko-ahmatovoj/> Date of address: 03/29/2024.
  4. *Bongard V.* “All the houses are staggering here” (Meeting with Anna Akhmatova in Komarovo). Novee Russkoe Slovo (New Russian Word). New York, 1965. February 28.
  5. *Volkov S.M.* Visit to the old lady. Nezasvisimaja Gazeta (Independent Newspaper). 2000, May 18.
  6. *Volkov S.M.* Dialogues with Joseph Brodsky. Introductory article by Y. Gordin. Moscow, Nezasvisimaya Gazeta Publishing House, 2000. 328 p.
  7. *Glen N.N.* Around old records. Memories of Anna Akhmatova. Compiled by V.Ya. Vilenkin and V.A. Chernykh. Commentary by A.V. Kurt and K.M. Polivanov. Moscow, Sovetskijisatel’ Publ, 1991, Pp. 627–639.
  8. *Najman A.G.* Stories about Anna Akhmatova: from the book “The end of the first half of the XX century”. Compiler of the section “Appendices” by A.G. Naiman. Moscow, Hudozh. lit. Publ., 1989. 302 p.
  9. *Dudin M.A.* Dostavlenie. Leningrad: Lenizdat, 1963. 259 p.
  10. *Shevchuk Ju.V.* «Introspection» in space: the Russian manor in the lyrics of Anna Akhmatova of the 1910s. Real estate – literary estate: vectors of creative transformation) The collective monograph, ed. O.A. Bogdanova. Moscow: IML Publ., 2021, Pp. 106–117.
-